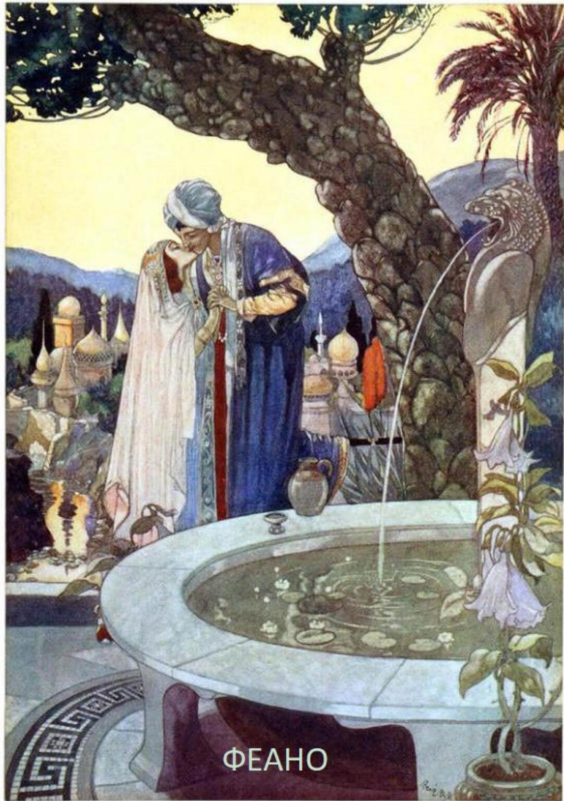


Сказка о Хасибе и царице змей



ФЕАНО

Феано Феана

Сказка о Хасибе и царице змей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70585225

SelfPub; 2024

Аннотация

Серия Сказки 1001 ночь в ритмах. Книга четвёртая. Книги Семи Морей, редакция 2020 г., кол-во стр. 128Использованы иллюстрации Рене БуллИспользован перевод сказок с арабского М.А.Салье О СКАЗКАХ 1001 НОЧИЧто вам сказать о сказках тысячи ночей?Скажу немного,выйдет скупое или бледно,Скажу пространно,выйдет скучно, хоть и верно,А не скажу... не засияет блеск очей...Что говорить о сказках?Пусть же их прочтутДа позабавятся, коль срок не подошёл,А подошёл, так и жемчужину нашёлЧитатель сам!Его сюжеты поведутПо всей судьбе его с намеками, подсказкой...О тех событиях, что были на пути,И тех, что следует потом ему пройти... Читайте медленно, и следуйте за сказкой!

Содержание

РОЖДЕНИЕ СЫНА,	6
РАССКАЗ О БУЛУКИИ	18
ВСТРЕЧА С СУЛЕЙМАНОМ,	26
ВСТРЕЧА С ЦАРЕМ САХРУ	39
КЛЯТВА, ВСТРЕЧА С АНГЕЛАМИ	45
РОЖДЕНИЕ СЫНА ЦАРЯ ТАЙГАМУСА	57
ОБЕЗЬЯНЬЕ ЦАРСТВО	65
ИСТОРИЯ ДЖАНШАХА	72
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОТЦУ	89
СВАДЬБА, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ШАМСЫ	92
ТАКНИ	117
ИСТОРИЯ ШАМСЫ	122
РАЙСКАЯ ПТИЦА	127
ИСЦЕЛЕНИЕ ЦАРЯ	148
Авторы	155

Феано Феана

Сказка о Хасибе

и царице змей

Арабское название этой книги: «Альф ляйли ва ляйля» – закодированная фраза, которая преобразовывается в другую фразу – «Источник рассказов». Ритмичная версия создана на переводе с арабского оригинала М.А. Салье. Осовремененные версии сказок 1001 ночь распространены во всем мире не случайно, интерес к этим сказкам вызван их концентрированным, эзотерическим смыслом и увлекательным сюжетом, за которым просматриваются изящные ходы для самостоятельного размышления вдумчивым читателем. Каждое время выбирает свои акценты при передаче древних сказок поколению новых искателей тайн жизни. Иногда сюжет искажается до неузнаваемости, иногда теряется многослойная суфийская начинка в пересказе или переделке сказок, но неизбежная утрата начального варианта этих сокровищ древней премудрости, не умаляет их значение для читателей, и вызывает желание новых авторов-переводчиков отыскивать спрятанное веками существо мудрости. Музыкальная композиция на сайте Семь Морей.

Животрепещущая ткань игры Богов

Рисунок жизни дарит нам в воспоминанье

И погружает ум в истоки мироздания,
Приподымая с тайны сказкою покров...

РОЖДЕНИЕ СЫНА, ВСТРЕЧА С ЦАРИЦЕЙ ЗМЕЙ

Однажды в давние-предавние года
Веков минувших жил да был один мудрец
Из древнегреческих сынов. Умам – отец,
Дионом звали,
Даниялем иногда...
Ученики внимали каждому из слов,
Что были сказаны учителем времён,
Ведь был он мудростью глубинной наделён.
Шли за советами в его светлейший кров.
Его велению беспорно подчинялись,
И до краев земли летела эта слава.
Однако в доме мудреца печаль бывала:
Хотел детей, а те никак не появлялись...
И вот однажды в ночь, когда от слёз не мог
Сомкнуть он глаз, ему на ум пришло:
Аллах[1],
Да будет славен Он, внимает всем в веках,
Кто обращается к нему, чтобы помог...
И нет привратника у славных этих врат.
Без счета милости Аллах являет щедро.
И попросил Дион сыночка вдохновенно,

Чтоб был наследник, как покинет жизни град...
Домой вернувшись, он познал свою жену,
И в ту же ночь она ребёнка понесла.
Вот так Аллах свершает все свои дела,
Дарует тем, кто обращается к нему...
Дион же в плаваньё отправился, потом
Попал в лихую бурю...
Страшный ураган
Кружил корабль по разъярившимся волнам...
Смешались море с небом,
следом грянул гром,
Что и корабль разнёс весь в щепки, и товар...
Спаслись немногие,
кто стойкость сохранял.
Средь них Дион, хотя он в бурю потерял
Свои труды:
лишь пять листов... от моря дар...
...На берегу он сон увидел... так подробно,
Как будто он достиг вдруг острова мечты.
Похож на райский уголок, мир красоты.
Земля шафрановая, камешки подобно
Алмазам крохотным, бриллиантами горят!
Сирени веточки колышутся привольно,
Даря волшебным ароматом и невольно
Царевны бабочки на запах тот летят!
Обширен остров и обилен чудесами,

Что превосходят очарованные сны,
Переполняя сердце радостью весны,
Пьяня сознание ароматными садами...
А птицы трелями безудержно поют:
От тихих жалобных напевов до весёлых,
И лани прыгают среди зарослей зелёных,
Похоже, здесь любовь нашла себе приют...
Счастливым он на берегу своём проснулся
И в состоянии таком дошёл до дома,
Не сознавая, что дорога столь знакома,
А будто в первый раз идёт!
Таким вернулся...
В себя придя, он спрятал те листы в сундук.
А как кончина подошла, сказал жене:
– Уйду из мира преходящего к весне
Я в вечный мир, не избежать нам тут разлук...
А ты ребёночка родишь мужского пола,
Так назови его Хасибом[2], воспитай
Как сможешь лучше. Ну, а вырастет, отдай
Ему наследство в сундучке. Скажи немного...
Что, как прочтёт да смысл воспримет тех листов,
Так станет он умнейшим времени того,
Где будет жить, так и Аллахом суждено.
Пусть чтит Всещедрого Аллаха среди Богов.
И по весне мудрец скончался, жизнь ушла...
Жена, друзья, ученики о нём рыдали.

Свершив обряд красивый, в землю закопали.

Вдова чрез месяц уж сыночка родила.

И назвала его Хасибом, как хотел

Его отец.

А звездочёты предсказали,

Что проживёт он много лет, да без печали.

А, коль спасётся от беды, где скор предел,

То после этого и мудрость обретёт.

Ушли гадатели своим путём дорогой.

А мать воспитывала сына мерой строгой,

Однако мальчику учение... нейдёт...

Пять лет ходил с пяти лет в школу, ничему

Не научился там. Из школы забрала

Его расстроенная бедная вдова,

И отдала затем учиться ремеслу.

Но он и там себя никак не проявил.

К работе руки были вовсе не годны.

Ей посоветовали – Может... от жены

Сын понесёт заботу. Ей же свет не мил...

Она и плакала, просила – безуспешно.

И вот посватала за девушку его.

Но и тогда не взялся сын за ремесло.

Тут дровосеки посоветовали:

– Спешно

Купи осла ему, верёвку и топор.

Пойдёт он с нами по горам дрова рубить.

Ему и нам доход, тебе поможет жить.
Не убивайся, что никчемн до сих пор,
Ведь сын учителя он нашего, и мы
Ему поможем, а ведёт его Господь.
Что понапрасну горевать или пороть?
Ведь человека формируют лишь труды.
А мать обрадовал поддержки разговор.
Она купила сыну всё, что было надо,
И он пошёл рубить дрова, рукам отрада,
Ведь не умели ничего до этих пор...
Так покатались день за днём своим чредом.
Сын понемногу привыкал к труду, она
Успокоение в душе своей нашла.
Раз... оказались дровосеки под дождём,
Нашли пещеру и укрылись, а Хасиб
Пошёл обследовать в укрытье тёмном пол,
И пустоту в местечке дальнем он нашёл,
Да стал копать, и вот... колодец перед ним.
А в том колодце оказалось много мёда!
И дровосеки, и Хасиб возликовали:
– Какое чудо боги в дар нам ниспослали!
Вот в бурдюки сложили мёд. Осталось много...
Решили так, что здесь Хасиб постережёт,
Они же в город отнесут и возвратятся.
Всё так и сделали, и стоило стараться,
Богатство каждому несёт чудесный мёд.

Когда в колодце оставалось уж чуть-чуть,
Они задумали с Хасибом не делиться...
В последний раз за мёдом сможет опуститься,
А доставать не станут: краток жизни путь...
Так зло свершилось...
...а Хасиб кричал напрасно.
Молить о помощи осталось лишь Аллаха!
На дне колодца, умирающим от страха,
Он в неподвижности сидел, скорбя безгласно.
Прошло немного дней.
И матери открыли,
Что заблудился де Хасиб, его искали,
Нашли лишь кости, звери тело обглодали...
Так дровосеки вместе с матерью «тужили»...
Немного денег дали ей, себе ж богатства
Они роскошные отныне обрели,
Забыв того, кого в колодце погребли,
И утерав остатки совести и братства.
Хасиб ослаб совсем без света и еды,
Как вдруг на голову свалился... скорпион,
Его он, скинув, раздавил, а сам нашёл
Нору, откуда выпал тот. А от норы
Как будто свет и ветерочек доносились.
Он стал копать, и обнаружил вдруг проход,
Да по нему пошёл, увидел дверь и вход.
Он за кольцо дверное дёрнул,

растворились...

Две створки двери.

Он смелей уже идёт,

А свет всё ярче, заболели аж глаза,

Вдруг... видит пруд огромный,

воды – бирюза!

А изумрудный холм свечение несёт...

Такой красы, такого дива никогда

Ещё не видывал Хасиб.

– Хвала Аллаху!

Мою мольбу услышал Он и стоны страха,

И вывел в царство заповедное раба...

Вокруг холма блистали камни золотые,

Что на скамеечки похожи. Стал считать

Хасиб скамеечки, по парам и по пять...

Двенадцать тысяч насчитал их – кладовые!

Он выбрал ложе по себе, присел в него,

И словно в обмороке был. Затем очнулся

От многих звуков и шипенья, оглянулся

И тут... о, ужас!

Тысячи змей,

темным-темно...

Великий страх сковал всё тело и язык.

На всех скамейках были змеи великаны,

В пруду без счёта змеек меньших!

Только взгляды

Горящих глаз сияли.

Он... чуть пообвык...

С волнением справился, с трудом,

Но осознал – не зря Аллах

На помощь змей ему послал...

К нему огромная змея тут подползла,

На голове её... золотое блюдо, в нём

Лежала змейка...

с человеческим лицом!

Она с Хасибом разговор и повела...

– Прекрасный юноша, не бойся слишком нас.

Перед тобой Царица змей,

я тут шахиня.

Свою историю открой, а также имя,

И угостись моими яствами сейчас.

При этом змейка на змеином языке

Сказала что-то. Все, вскочивши, поклонились,

А слуги тотчас за едою удалились

И принесли большие блюда на себе...

Там были яблоки, орехи и гранаты.

Хасиб, немного успокоившись, поел,

И стал рассказывать, что было, как хотел

Помочь он матери, ведь были не богаты,

Но научиться ничему не мог он сам,

Тогда отправился дрова рубить, и мёд

Нашёл в колодце. Дровосеки... в свой черёд,

Его покинули,
и дальше... по часам...

Он рассказал, как было дело для него...

А змейка слушала внимательно, пытливо,

При этом будто улыбалась, да красиво,

Глядела нежно, с пониманием, умно...

Царица змей произнесла:

– Удачно будет

С тобою дальше. Ничего не опасайся!

Мою историю послушай и останься.

И начала она:

– Мир сказки не забудет...

Однажды в городе Мисре жил славный царь.

И сын единственный Булукия[3] при нём.

Царь мудрецом был и хранителем времён,

Оставил сыну он в наследство некий ларь.

Но повелел жене надёжно сохранить

Всё содержимое его до самой смерти.

И смерть взяла его из этой круговерти

Туда, где он пророком вечным начал жить...

Ларец эбеновый хранил внутри секрет...

Когда Булукия подрос, открыл он ларь,

И прочитал ту книгу, что оставил царь.

И возлюбил он Мухаммада[4] вечный свет!

В той книге много говорилось об Аллахе,

И о пророке всех времён, о Мухаммаде,

О существе его, и также о награде
Тому, кого возлюбит Он, о божьем страхе.
Тогда решил Булукия странствовать затем,
Чтоб разыскать и поклониться Мухаммаду.
Любви огонь подобен огненному саду,
Что не отпустит никого... извечный плен...
Простившись с матерью, он в Сирию поплыл,
Оттуда вновь на корабле блуждал морями,
И вот однажды, подгоняемый ветрами,
Причалил к острову, решив набраться сил.
Похоже, он заснул, уставши, а, проснувшись,
Увидел свой корабль маленьким в волнах...
Что было делать? Но хранителем – Аллах!
Услышал мольбы, ветерочком обернувшись,
Повёл в места его, где люди не бывали...
Булукия вдруг слышал песни от дерев,
От трав и птиц и, постепенно осмелев,
Зашёл туда, где только змеи проползали,
И хором славил Аллаха и хвалу
Для Мухаммада возносили, напевая.
Вот собрались вокруг него они, играя,
И спросили:
– Ты откуда и к кому?
Он отвечал:
– Зовут Булукия меня,
Я царский сын, хочу увидеть Мухаммада,

Я из любви к нему попал в пределы сада,
Огонь любви в душе пылает, жар огня...
А кто же вы, о, благороднейшие твари?
Откуда имя Мухаммада вам знакомо?

И отвечали змеи:

– Мы пришли из дома,

Что называется геенною из стари...

Геенна так кипит, что два лишь раза в год

Вздыхает мощью, и великий жар исходит,

А с ним и нас, мельчайших тварей, в мир выводит,

В другой раз втягивает нас

в горнило рот...

– А есть ли змеи больше вас? – он им вопрос.

– Конечно, есть, мы наименьшие из всех.

А Мухаммада знает каждая из тех,

Кто был у райских врат и радость рая нёс...

Без Мухаммада бы Аллах не сотворил

Ни нас, ни землю... небеса, и ад, и рай,

Всё сотворил Он Мухаммаду – выбирай!

Лишь для него Аллах и нас ему явил...

Как услышал Булукия вещие слова,

Его любовь ещё сильнее запылала,

И он пошёл, хвалу Аллаху посылая...

От сада к берегу, и вот ему волна

С попутным ветром лодку с парусом явила!

Он сел в неё, да и поплыл, куда – не зная,

Доплыл до острова другого!

Даль иная...

Везде вела его неведомая сила...

Дошёл до места, где Аллаху все хвалу,
Как полагалось, возносили. Там и змеи.

Среди них была змея могучая, а с нею
Златое блюдо, на котором я сижу.

Смотри, я – Белая Царица среди змей!

И на неё Хасиб уж смотрит, как впервые...

И восклицает:

– Эти встречи дорогие!

Но я хотел бы в путь
отправиться скорей...

Царица молвила:

– Не можешь ты уйти

До той поры, когда на гору Каф[5]пора нам,
Тогда лишь с нами ты пойдёшь, как с караваном,
Тогда появишься ты вновь к лицу земли...

Хасиб печален стал

и всё же попросил:

– Порасскажи мне об истории своей!

Быть может, время пролетит так поскорей...

И наберусь я у тебя волшебных сил...

РАССКАЗ О БУЛУКИИ

Хасиб печален стал и всё же попросил:

– Порасскажи мне об истории своей!

Быть может, время пролетит так поскорей...

И наберусь я у тебя волшебных сил...

Царица змей ему на это отвечала:

– Так слушай дальше...

– Я Булукию спросила:

– Кто ты, откуда и какая движет сила

Тобой, прекрасный господин? – и замолчала.

А он на это мне:

– Я сын того царя,

Что, все науки изучив, наследство мне

Оставил в книге. А ищу я по судьбе

Свет Мухаммада, и уверен, что не зря...

Любовью жаркою к нему я воспылал,

И разыщу его, во что бы то ни стало!

А я, Царица змей, ему и отвечала,

Чтоб он привет для Мухаммада передал.

Затем Булукия простился уж со мною,

Сел на корабль и отправился туда,

Где в вечном городе извечная стена...

Он сел под нею, озаботившись судьбою...

Тут подошёл к нему учёный человек,

Что знал законы астрономии и слова,
И геометрию, и магию основы,
Науку духов, Тору, Библию и век...
Он в книгах древних почерпнул так много знаний,
Что знал почти что всё, и стал уже седым.
В одной из книг узнал, что таинством святым
Лишь Сулейманово[б] кольцо владеет.
Дарий,
Так звали этого учёного, прочёл,
Что дар кольца всех подчиняет: и людей,
И джиннов сильных, птиц, а также и зверей.
Когда скончался Сулейман, то приобрёл
Успокоение на острове Надежды.
Прах Сулеймана положили в гроб и дале
Везли его Семью Морями в дальни Дали.
Чтоб не могли дивиться телом тем невежды...
Кольцо осталось на пальце у него.
Как ни старались джинны снять – не удалось.
И по Семи Морям проплыть не привелось
Ни одному из кораблей...
Но отчего?
Ещё прочёл он о траве, что даст возможность
Пройти все Семь Морей, да ног не замочив!
И подойти ко гробу, бремя облегчив,
Однако есть и в этом деле трудном сложность...
Траву волшебную найти совсем не просто.

Она растёт в одном лишь месте. А змея,
Что называют все Царицей бытия,
Живёт поблизости.

Змея такого роста,
Что помещается на блюде золотом,
А это блюдо носит змей большой. Трава
В её присутствии использует слова,
И разговаривает нашим языком...

Подходит Дарий сам к Булукии.

Что сил

Молился тот Аллаху с просьбой о надежде
Найти и встретить Мухаммада, как и прежде.
Вот поздоровался с ним Дарий и спросил:
– Кто ты, откуда и куда лежит твой путь?
– Я – сын царя из Мисра, звать меня Булукий.
Пошёл я странствовать, ведомый лишь разлукой...
Хочу найти я Мухаммада,
хоть взглянуть...

– Благослови его Аллах! Идём со мной,
Приму как гостя дорогого я тебя!

Тот согласился, с той поры они друзья!

А дома Дарий разговор повёл такой:

– Поведай мне свою историю, мой друг.

Тут всё Булукия ему порассказал,
И о любви, что к Мухаммаду испытал,
И о далёких путешествиях.

Но вдруг,
Как вспомнил он Царицу змей,
так тут же Дарий
Без чувств упал,
а уж, очнувшись, подивился...
И так к Булукии он тихо обратился:
– Сведи с Царицею меня волшебных знаний,
А я сведу уж с Мухаммадом.
Знай, что время
Его явления... далёко отстоит,
Добыть кольцо с тобой нам прежде надлежит,
Лишь Сулейманово кольцо ведёт из плена,
И нам позволит столько времени прожить,
Чтоб повидаться с Мухаммадом.
Змейку ту
Посадим в клетку,
и отыщем мы траву,
Чей сок позволит по Семи Морям скользить...
...Такая в мире есть волшебная трава,
Что, коль собрать её, да сок потом отжать,
Да смазать ноги им, то можно и бежать
По морю, словно под тобою есть тропа.
Затем вернём Царицу змей в страну её,
И вот тогда мы Сулеймана, верь, найдём,
Ведь по Семи Морям как посуху пройдем!
Достигнем места погребенья. И ещё...

Возьмем кольцо, и станем миром управлять,
Как управлял наш Сулейман, достигнем цели!
А после этого пойдём до Мрака щели,
Где бьёт источник Вод живых, и сможем стать
Тогда бессмертными,
и встретим Мухаммада!

На это так в ответ Булукия:

– Идём!

Я покажу тебе Царицу, соберём
Траву желанную, и будет нам награда!
В дорогу Дарий взял бутылку с молоком,
Ещё с вином, да клетку прочную. И вот
Проплыли морем, и нашли змеиный грот.
С приманкой спрятались за розовым кустом.
От путешествия уставшие, смогли
Они немного отдохнуть и подкрепиться,
И в наблюдателей прилежных превратиться.
Итак, Царицу змей они подстерегли...
...А клетка с дверцею открыта. Молоко
В одном из блюдец было налито, в другом
Вино снотворное, но вкусное, как ром...
Царица змей всё это выпила легко...
Вино мгновенно усыпило.
Дарий клетку
Закрыл надёжно...
В путь отправились друзья.

Змея, очнувшись, вдруг... увидела себя...

На голове у человека, небо в сетку...

И тут Булукия заметила она:

– Вот так ты платишь за добро, о, сын Адама?

– Ты не сердись, – ответил тот, – на путь обмана,

Мы лишь найдём траву!

Волшебная трава

Нужна затем, чтобы пройти нам Семь Морей.

Потом тебя опять на место мы вернём!

Не обижайся, что тебя с собой везём.

Ведь говорит трава лишь... в близости твоей!

Так много дней, ночей до острова они,

Где чудо травы прорастают, плыли морем.

Змея смирилась с неизбежным приговором.

И вот он – остров! Лес и травы, мох и пни...

И в самом деле... травы тихо говорили

О всех достоинствах своих, лечебных отварах,

Что можно сделать, заживляющих отварах,

И вот заветную нашли, о чём молили!

Та говорила:

– Если сок мой поотжать,

Да соком сказок смазать ноги, то вода

Не тронет ног, и все моря уже тогда

Всухую можно, как по берегу, пробежать!

Друзья собрали той травы, отжали сок,

Налили в склянки, очень бережно храня,
Помазав ноги, в путь отправились. Змея
На волю вышла, подошёл и этот срок.
Когда до острова Царицы добрались,
Она спросила:

– Семь Морей, но для чего?

Ей рассказали, а она вдруг: – Ни за что!

Те вопрошают: – Поясни же, потрудись!

Царица так взглянула, словно обожгла,

Сердца друзей упали в пропасть от волненья,

В смятенье чувства, ум сгорал от нетерпенья...

Тогда змея им объяснила, как могла.

– Всё потому, что сам Аллах великий милость

Явил когда-то Сулейману,

а не вам!

Кольцо волшебное – то дар его словам:

– О, подари мне власть, – просил он, – что не снилась
Земным созданиям!

Всевидящее око!

Кольцо не сможете вы взять иль отобрать.

Была трава среди тех, что вы могли собрать,

Чья чудо сила продлевает жизнь без срока.

Тогда бы вечно жить могли вы и тогда

Желанья все исполнить, что ни пожелалось!

Бывает так, что отделяет вроде малость,

Но цель уходит, не оставив и следа...

Услышав это, опечалились друзья.

И вновь путём дорогой вышли поутру.

А что Царица змей?

Вернувшись вновь в страну,

Картину горькую увидела змея...

Упадок полный: твари немощными стали...

Но как обрадовались змеи-то Царице!

Да принялись вокруг змеиться и кружиться.

– На гору Каф пора идти, в далёки Дали...

*

Тут вновь Царица посмотрела на Хасиба...

– Спасибо, Белая Царица, – он промолвил.

Но я о доме почему-то сразу вспомнил.

Вели же слугам отпустить меня, спасибо!

Царица вновь ему:

– Не можешь ты уйти

До той поры, когда на гору Каф пора нам,

Тогда лишь с нами ты пойдёшь как с караваном,

Тогда вернешься к дому... к прошлому пути.

Хасиб печален стал и снова попросил:

– Порасскажи мне об истории своей!

Быть может, время потечёт моё скорей...

И наберусь я у тебя волшебных сил.

ВСТРЕЧА С СУЛЕЙМАНОМ, ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕМИ МОРЯМ

Скажи, что случилось, как покинули тебя
Те двое жаждущих кольца от Сулеймана?
Смогли ли Семь Морей пройти, дойдя до хранилища,
Где Сулейман из века в век хранит Себя?
И вновь Царица змей рассказ свой продолжала.
– Друзья намазали волшебным соком ноги,
Да по Семи Морям пошли, как по дороге,
И без опаски утонуть! Им море стало
Земле подобным, и внутри, и по верхам.
Они разглядывали все морские дива,
Дельфинов, рыб, кораллы, ракушки – красиво!
Предела не было бескрайним чудесам.
Итак все Семь Морей играючи прошли.
Вдруг видят – чудо из чудес: большую Гору,
Что изумрудным цветом вдруг открылась взору.
Возликовали:
– Мы достигли! Мы смогли!
Подходят ближе, там течёт такой ручей,
Что на хрусталь похож, а всё-таки живой.
Земля из мускуса, пещера под горой...

Они в неё, а в ней – красоты для очей!
Там ложа мраморные, спинки с вензелями,
Вокруг скамеечки из золота стоят
Числом неведомым, мерцают и горят.
А в центре ложе Сулейманово... с огнями...
Сам Сулейман в одеждах шёлковых зелёных,
Расшитых золотом с алмазными камнями,
По краю выстроченных нитью с жемчугами,
Умело созданных искусством просветлённых...
Рука лежит его спокойно на груди,
И перстень царственный блестит, что солнце днём!
Воскликнул Дарий тихо:
– Вместе подойдём,
Ты заклинания, что знаешь, все прочти...
А я тем временем сниму его кольцо.
Но только он сумел приблизиться, змея,
Вдруг появившись, зашипела им: – Нельзя!!
Да криком жутким закричала на него...
– Не повернёшь назад, считай, что ты погиб!
А следом дунула великим дуновеньем.
...Заколебалось всё неведомым веленьем,
Но Дарий... словно бы не слышал этот крик...
Безумным сделавшись,
он мела стал белее...
И заклинания без счёта повторял,
На Сулеймана лишь глядел и все желал

Лишь одного – кольцо достать, но всё не смея...

Змея опять ему:

– Коль ты не повернешь, то я сожгу тебя!

Булукия услышал,

И в тот же миг из той пещеры быстро вышел,

А Дарий слышит вновь:

– Уйди, а то умрёшь!

Не испугался Дарий...

руку протянул

К кольцу заветному...

Тут... дунула змея,

Сожгла всего в мгновенье... всполохом огня!

А уж Булукия упал... и сном уснул...

Вот тут Господь помог спасти его Джабрилу.

Сам светлый ангел взял за плечи и отнёс

Его на остров, где и сам когда-то рос,

Да, разбудив Булукию, вдул в него он силу...

Затем приветствовал его и спросил:

– Откуда вы пришли в пещеру, для чего?

И всё подробно, почему да отчего,

Булукия ангелу небесному открыл...

– Знай, я пришёл в пещеру из-за Мухаммада,

Лишь потому, что Дарий мне пообещал.

От Сулейманова кольца, – так он узнал, -

Приходит помощь, и ему, и мне... награда,

И можно долго будет жить, воды напившись

Того источника, что рядом будет с нами.
Но Дарий... вмиг сгорел! Его спалило пламя!
А я очнулся, пред тобою очутившись...
Коль ты спаситель мой, прошу я, Расскажи
О Мухаммаде мне, надежды крохи дай!
Ответил ангел:

– Не сердись, не укоряй,
Но Мухаммада время, словно миражи...
И далеко тебе идти своей дорогой.
Затем Джабрил на небо синее вспарил,
И ничего уже в ответ не говорил...
Булукия вслед смотрел, с тяжёлою тревогой...
И сам себе сказал: – Немедленно очнись!
Припомни то, что было прежде и прошло...
«Ей рассказали, а она нам: – Ни за что!
Мы вопрошали: – Поясни же, потрудись!
– Всё потому, что сам Аллах великий милость
Явил когда-то Сулейману, а не вам!
Кольцо волшебное – то дар Его словам:
– О, подари мне власть, – просил он,
– - что не снилась...»

Всё это вспомнил он и в горечи своей
С горы спустился и пошёл до берега моря,
Да сел у синих вод и, сам с собою споря,
Всю ночь сидел
и слушал пение морей...

Пение морей...

И будто что-то проясняться в мыслях стало,

Он вновь обдумывал слова Царицы змей,

И все события прошедших, тяжких дней,

Причину смерти друга от желанья жала...

А утром взял, намазал ноги снова мазью,

Да и пошёл по морю, словно по траве...

И днём и ночью, всё дивясь на дива те:

На чудо, ужас и красу многообразья...

Не уставая, шёл Булукия по водам,

И, наконец, достиг он острова Мечты...

Похож на маленький оазис красоты.

Земля шафрановая, в речке по порогам

Подобно яхонтам тут камешки блестят!

Жасмина веточки колышутся привольно,

Даря волшебным ароматом и невольно

Царевны бабочки на запах тот летят...

Деревья лучшие из всех, что есть у нас,

С плодами крупными, на солнце наливными,

Ручьи звенели голосами молодыми,

Фиалки, розы и гвоздики – радость глаз!

Там вместо пней камарский лист торчал алоэ,

Там не камыш, а сладкий сахарный тростник,

Цветами радужными всех сортов цветник,

И в чудном сне не снится празднество такое...

Обширен остров и обилует благами,

Разнообразием вселенской красоты,
Что наполняет сердце гимном чистоты,
Пьянящей негой, ароматными садами...
Ладами звучными пернатые поют:
От нежных жалобных напевов до весёлых,
Газели прыгают среди зарослей зелёных,
Похоже, здесь
любовь нашла себе приют.

...Волшебный остров Эхо... – [https://sseas7.narod.ru/
intro.htm](https://sseas7.narod.ru/intro.htm)

Всем сердцем острову Булукия дивился.
Но, вместе с тем, уж понял: сбился он с пути,
Которым шли недавно с Дарием они.
Гулял до вечера, пока не утомился.
Но было странным ощущение, что он
Уже бывал на дивном острове волшебном!
Не только видел, но касался сам к целебным
Плодам и травам или видел раньше сон...
Забрался на ночь он на дерево густое,
И стал раздумывать о сути в новизне,
Как вдруг внезапно...
море вспенилось в волне,
А из него идёт...
чудовище
морское...

И громким криком
закричало так, что звери
Мгновенно в страхе разбежались кто куда...
И осознал Булукия, – вот, грядёт беда
Непостижимая...
На море вновь вскипела
Волна огромная, и страшные, морские
Оттуда дива появлялись,
вновь и вновь...
Их было много.
Закипела в жилах кровь,
...Булукия в страхе наблюдал...
Средь них иные
Держали в лапах драгоценные камни,
Другие что-то бормотали без умолку.
И так всю ночь на берегу, как бы без толку
Они толпились, вызывая удивление...
Там были звери, что в пустынях раньше жили...
И леопарды, львы, и барсы, и верблюды.
Подумал юноша:
– А эти-то откуда?
И тут же вспомнил: дно морское – былль пустыни...
Наутро все ушли обратно...
в сине море...
А уж Булукия намазал мазью пятки,
Да поспешил уйти подальше без оглядки.

И вот уж новый остров, словно при дозоре...
Он по поверхности воды бегом к нему,
А там гора, а под горой лежит долина,
Которой не было конца и середины,
Вся из магнита, неизвестно почему...
Опять тут звери: львы, шакалы и тигрицы.
Он возле моря присмотрел себе пещеру,
Задумав спрятаться, а там... во тьме – пантера...
Готова кинуться...
И негде было скрыться...
Намазал мазью мигом ноги и.. вперёд!
Едва успел он к морю, чтобы ускользнуть,
Пока она прыжки замедлила чуть-чуть,
Не сомневаясь в том, что пища не уйдёт...
Вот снова по морю спешит по темноте...
Так море третее прошёл он до утра.
И снова остров...
И Букукия туда,
Деревья зрит с плодами сочными в листве.
Он камнем сбил плоды, и в сладости поел.
Хваля Аллаха, стал по острову бродить.
Так десять дней провёл, но негде было жить,
И вот, в четвертом море ищет он предел.
Натер стопы и снова по морю движенье.
И днём и ночью... Снова остров впереди.
Весь белый, белый из песка, и не найти

Деревьев, кустиков... Лишь ястреба круженье...
Он дальше в путь по морю пятому идёт,
И много дней, ночей без отдыха... Устал,
Но снова остров, и готов ему привал:
Земля и горы, как хрусталь, весь мир поёт...
А под землею жилы... точно золотые!
Деревья странные, диковинные, чудо!
Цветы как золото, свеченье ниоткуда!
Но вот стемнело, распахнулись кладовые...
Всё то, что днём сияло,
– в звёзды обратилось!
И красота, какой на свете не бывает.
Как будто ветром лунным веточки качает,
Всё изнутри глубинным светом засветилось...
Волшебный остров Эхо с тайнами миров...
То там, то тут вдруг возникали голоса!
Реченья мудрые творили чудеса -
Мосты хрустальные вели до всех веков,
Соединяя то, что сердцем пожелаешь,
Так путешествует по водам жизни мысль,
Но не простая, а дарующая жизнь
Великолепию,
когда о нём мечтаешь!
Он отдохнул на этом острове. С зарёю,
Намазав соком ноги, снова по волнам...
И снова остров открывается глазам.

Там две высокие горы, а под горою
Нашёл деревья с очень странными плодами.
Как будто головы людей, что за власа
К ветвям подвешены. Вдруг слышит голоса:
То смех, то плач и причитанье над трудами...
И под другой горой есть странные деревья.
На них плоды... на птиц похожи, что за лапки
Как бы подвешены, головкой вниз, цыплятки -
А на верхушке ветви точно, как коренья...
Нашёл Булукия большое древо, там
Плодов не видно, и решил заночевать.
И стал об острове волшебном размышлять,
Да об уроках, что Аллах назначил нам...
А море вспенилось с вечернею зарёю,
Да стали на берег вдруг девы выходить,
Русалки дивные, в словах не объяснить,
Под это дерево пришли, а уж с собою
В руках несли они алмазы дорогие.
И стали камешками весело играть,
Да неизвестные напевы напевать,
И всю-то ночь они резвились, молодые...
Наутро вновь Булукия соком тем натёр
Стопы усталые и дальше поспешил.
Он шёл и днями, и ночами, уж без сил,
А нет ни острова, ни холмика. А взор
Его без радости лишь море видит вдруг...

И он от голода сырую рыбу стал
Хватать из волн... и есть живую.
В смерть устал,
А сесть нельзя...
И тут объял его испуг...
Что не дойдёт на этот раз до суши он,
Но вспомнил снова он Аллаха и взмолился,
Да тут же остров впереди и появился!
Булукия в радости до острова... бегом...
И вот упал на землю твёрдую в слезах,
И сном уснул крепчайшим, спал подряд три дня.
Затем проснулся поутру, встаёт заря!
Он во все стороны взмолился:
– О, Аллах!
Спасибо вечному Творцу, что спас меня!
Что дал мне силы, укрепив Собою веру,
Что мне позволил одолеть святую меру,
Я Семь Морей прошёл, и вот она – Земля!
Здесь многочисленны деревья, а потоки
Все полноводны, упоительно чисты.
Тут вырастают сладкосочные плоды,
Что и не вянут, и не ведают о сроке...
Зима ли, лето – непонятно всё уму...
Вдруг видит яблоня, красавица такая!
Он потянулся, чтоб сорвать плоды, хватая,
Но тут какой-то человек кричит:

– Убью!

Не приближайся ты, пришелец, и не тронь,
Уйди от дерева!

Булукия назад....

На человека смотрит робко... пряча взгляд...

А великан грозит, в глазах его – огонь.

И рост не меньше сорока локтей, таких,

Что у людей бывали в древние века.

И хоть Булукия испугался чужака,

Но подошёл к нему в сомнениях своих:

– Желаю здравствовать! Скажи мне, почему

Не разрешил сорвать плодов ты этих мне?

– Да оттого, что сын Адама ты. Тебе,

Твоим потомкам, не дано!

Всё потому,

Что твой отец забыл совет, запрет Аллаха,

Он, не послушавшись, от дерева плоды

Поел запретные. Не сможешь есть и ты...

Так великан сказал творению из праха...

Но вновь Булукия к нему:

– Что ты такое?

Чей это остров, и какое тебе имя?

А тот ответил:

– Мое имя Шарахия,

Я охраняю остров Сахру на прибое.

Царь Сахру добр, и ты не бойся всё ж меня.

Потом принёс еды немного и ушёл.

Булукия голод утолил и в путь побрёл.

Так десять дней скитался в поиске жилья...

ВСТРЕЧА С ЦАРЕМ САХРУ

Среди лесов и гор заметил он долину...

Услышал крики и удары, шум тревожный,

Он подошёл к долине шумной осторожно,

И увидел сраженья страшного картину.

Верхом на конях вороных сражались воины,

И кровь лилась меж ними – красная река.

Он растерялся и смотрел издалека...

А всё побоище вздымалось словно волны...

Но вот заметили его, сраженье стихло,

К нему приблизились престранные создання,

Все удивляясь на него, без пониманья...

Один из всадников спросил:

– Ответь, из чьих ты?

– Я из сынов Адама, звать меня Булукий.

– Пришёл откуда ты? Куда идёшь, к чему?

– С пути я сбился, Мухаммада я ищу,

Я от любви к нему блуждаю, от разлуки...

– Мы никогда ещё не видели сынов

Адама грешного, – сказал один из них.

И тут Булукия спросил:

– А вы из чьих?

Зачем сражение идёт, в конце концов?

– Жилище наше – это Белая земля,

А мы из джиннов. Каждый год Аллах великий
Нас посылает на сражение, а дикий
Народ злых джиннов зло творит, войну ведя...
Что ненавистна нам. Царя зовут же Сахр.
Он за горою Каф на дальнем расстоянье,
В семьдесят пять годов земного проживанья.
Пойдём к нему, пусть подивится наш монарх.
И вот идут они в далёкие жилища,
Но, между тем, всего за день уже дошли.
Пред взглядом путников раскинулись вдали
Шатры бесчисленные, чудо полотнища
В шелках и бархате, а в центре – великан:
Шатёр царя пурпурным шёлком весь увит.
Вот привели к царю Булукию, стоит
Худой, голодный, словно год не ел, не спал...
На самом деле, после долгого пути,
Так обветшала вся одежда у него,
Что он на нищего похожим стал давно,
Едва держался, еле ноги мог нести...
А царь взглянул в него, и слугам повелел
Одеть и вымыть гостя прежде, а затем
К обеду снова привести для царских тем,
Чтоб побеседовать.
И тот повеселел...
Ведут уж слуги гостя прямо ко столу.
Туда приносят блюда мощные, златые,

На них семидесяти видов заливные!
Такое пиршество, неведомо числу...
Царь Сахр сидит на главном троне золотом,
Что изумрудами сияет на углах,
На меньших тронах, утопающих в шелках,
Цари всех джиннов восседают за столом,
А мудрецы воссели слева от царя,
А с ними шейхи, и эмиры, и вельможи,
Все в украшениях, что вовсе не похожи
На те, что видела когда-либо земля.
Булукия землю целовал перед царём,
Так было принято у них, а царь велел,
К нему приблизиться. Булукия рядом сел,
Благодарил, как мог, за щедрый столь приём...
Вот царь спросил его:
– Скажи, что ты такое?
А тот в ответ:
– Я сын Адама от земли.
– Какие бедствия тебя к нам привели!
И всё Булукия поведал:
– Мир с тобою!
Я Семь Морей прошёл.
Вот стали гости есть,
Хваля Аллаха милосердного, Пророка.
Дивится этому Булукия – знак рока,
Ведь услышал, что Мухаммада славят здесь!

И спросил царя:

– Позволь тебя спросить?

На это Сахр:

– Ну, что же... спрашивай теперь.

– О, царь великий, удивляюсь я, поверь,

Непостижимо всё вокруг, что говорить...

Скажи, о, царь, что вы такое и откуда?

И почему известно вам о Мухаммаде?

Кому молитвы ваши, что у вас во взгляде?

Порасскажи мне, я не видел столько чуда!

– О, сын Адама, – Сахр на это отвечал... -

Аллах великий создал адского огня

Семи слоев, а между ними – колея

Пути из тысяч лет, – и дальше помолчал...

Спустя немного, продолжал он:

– Каждый слой

Предназначается слушникам Аллаха,

Всему названия имеются и плаха,

Что завершает путь, зовущийся судьбой...

Я расскажу тебе о каждом слое позже,

Но ты не можешь это знание передать

Сынам Адама, только в памяти держать

Всё ж постарайся, а иначе и негоже...

И царь Булукии подробно описал

Своё значенье и своё происхожденье.

Однако нам известно – слово, без сомненья,

Не в состоянье передать, что он сказал...

Потом Булукия просил царя смиренно,

Чтоб он на родину скитальца отпустил.

На это царь ему, конечно, возразил:

– Мы можем то, что нам Аллах прикажет, верно...

В моей лишь власти дать коня, сопроводить

Тебя до следующей границы на пути,

Но будь смиренным ты с конём, не подведи,

А на границе не забудь же напоить

Коня достаточно, и он ко мне вернётся,

А ты продолжишь путешествие своё.

На том расстались они. Уж таково

Веленье Высшего,

что сердцем познаётся...

Перед отъездом из страны царя Сахра

Булукия долго ехал вдоль рядов шатров...

А это кухня лишь была! Там двух быков

Ему в дорогу прицепили у седла...

В пути он – двое суток, что годам равняют...

Но вот граница, он поит водой коня,

И отпускает в путь обратный без себя.

Его ж к царю Барахию слуги доставляют...

Они приветствуют друг друга и садятся

За круглый стол, и царь уж гостя угощает,

А тот дивится, хоть уже немного знает,

Как в царстве джиннов угощения творятся...

– Когда с арём Сахром расстался? – вот вопрос
Царя к Булукии. А тот в ответ:

– Два дня

Тому назад он дал надёжного коня,
И отпустил меня к границе, конь донёс...

– Тебе известен путь, который одолел?

Семьдесят месяцев проехал за два дня!

В ответ Булукия дивится:

– Мог ли я?

– Не ты, а конь с тобой, что с грузом шёл, летел!

Тут повелел Барахия гостю... рассказать,

Что с ним случилось в этих землях удалённых,

И тот рассказывал под взгляды удивлённых

Гостей царя, что пригласили пировать...

Потом два месяца Булукия гостил

В гостях у этого царя... -

Царица змей

Сказала так Хасибу.

– Ты же не жалеи,

Что у меня гостишь, Хасиб, ведь мне ты мил.

КЛЯТВА, ВСТРЕЧА С АНГЕЛАМИ

И удивлялся на слова её Хасиб,
Благодарил за повесть эту от души,
Затем сказал: – Царица, всё же... не взыщи,
Но я хочу домой вернуться! – и поник...
Царица змей ему на это отвечала:
– Хасиб, узнай, что как воротишься домой,
Придёшь к родным и возликуешь ты душой,
А следом в баню соберёшься...
Для начала...
Возьмёшь с собою мыло, смоешь пыль сих бед,
И...
в этот час...
мне суждено, знай... умереть!
– Клянусь тебе, – Хасиб не мог уже терпеть,
Воскликнул жарко, – не нарушу я запрет!
Не буду в бане мыться я, а захочу,
Помоюсь дома!
Но ответила Царица:
– Да хоть сто клятв ты дал бы,
– мне не удивиться...
Я не поверила б тебе, я не шучу...

Ведь сын Адама, как отец, обет нарушит,
Что он Аллаху дал!

А сорок утр месил

Для тела глину сам Аллах в избытке сил.

Да кто поверит, тот себя лишь и научит...

Он дал обет, но не исполнил всё ж его!

И потому... тебе нет веры, уясни, -

Произнесла Царица змей, – и не кляни

Свою судьбу, ведь это – опыта зерно...

И промолчал Хасиб,

но плакал десять дней.

Потом, умывшись, попросил:

– Скажи ещё,

Царица змей, а что потом произошло,

Когда два месяца иссякли, как ручей...

– Знай, о, Хасиб, – Царица повесть продолжала, -

Спустя два месяца Булукия простился

С царём и в странствия далёкие пустился,

Страной пустынною дорога уж бежала...

И днём и ночью шёл, пока достиг горы,

Пока поднялся, там уж ангела он встретил,

С двумя крылами, и дощечечку приметил,

Что тот разглядывал с неведомой поры...

Одно крыло его на запад, а другое

Уж на восток, и чёрно-белое писанье

На той табличке перед ним. Как бы заданье...

Он выполнял прилежно, дело не простое.

После приветствия Булукия спросил:

– Кто ты, зачем ты здесь?

И ангел отвечал:

– Я управляю днём и ночью всех начал,

Но ты поведай о себе! – он спросил.

Вот стал Булукия подробно говорить

О том, что с ним случилось с той поры, когда

Он встретил Дария, и как пришла беда,

И как сумел спасти себя и дальше жить...

И подивился на рассказ крылатый друг.

Булукия думал, как великий ангел скромн!

Ведь труд его за облаками столь огромен,

А он ни разу не нарушил вечный круг...

И, попрощавшись, вновь ушёл Булукия,

Надеясь встретить Мухаммада впереди.

Достиг он луга, где семь рек, а посреди

Деревьев множество красивых у ручья...

И стал ходить меж ними. Видит, под одним

Четыре ангела крылатые сидят,

На лик все разные. Один, на первый взгляд,

Как сын Адама. Зверем был второй, за ним

Был третьим бык.

Четвёртый ангел – словно птица...

Все дружно славили Аллаха со словами:

– О, Господин, ты управляешь небесами!

Землей и ветром, всем, что где-либо творится...

Прости любой из тварей, что на нас похожа,

Ради величья Своего и ради сына,

И Мухаммада, пресвятого господина,

Прости грехи, что мы творим, и мысли тоже...

И, подивившись, вновь Булукия идёт,

Так много дней он шёл, ночами отдыхая...

Пришёл к горе великой – нет конца и края,

И вот на гору подымается и ждёт.

И вскоре ангела увидел пред собою:

Тот восславлял Аллаха, истово молясь,

Но поприветствовал, на гостя удивясь,

И спросил:

– Что ты такое предо мною?

Вновь объяснял скиталец также, как всегда:

– Я сын Адама, звать Булукия, – в ответ, –

Любовь великая ведёт сквозь море бед,

Я Мухаммада возлюбил, как мир звезда...

Пересказал он всё случившееся с ним...

Когда Булукия окончил свой рассказ,

То спросил:

– Кто ты такой? – как каждый раз.

И отвечал на это ангел:

– Мы стоим

Здесь на горе с названьем Каф. Она весь мир

Земной собою окружает, что Аллах

Когда-то миром сотворил в земных веках.
Гора – граница, за которую эфир...
Эфир – то Белая земля, как серебро.
Никто не знает протяжённости границы.
Там только ангелы летают, божьи птицы.
Хвалу Аллаху воздают, молясь светло...
Там нет у времени течения земного,
А я стою с заданьем миром управлять,
Как мне Аллах велит, ты это должен знать...
Держу в руках я жилы времени иного...
Аллах захочет – сотрясается земля
От напряженья рук моих, захочет Он
Жару иль холод, урожай иль сильный гром,
Всё совершается, а делаю то я...
– А за горою Каф есть земли или горы?
– О, да, – ответил ангел, – есть одна гора,
Пятьсот лет странствия, из снега, изо льда,
Она отводит жар геенны от земли...
И за горою Каф есть сорок пра-земель.
Любая мир превысит ровно в сорок раз,
Все земли разные: хрусталь, нефрит, топаз,
Янтарь и яхонт, малахит, иди проверь...
Везде лишь ангелы, что славят свет Аллаха,
Им заменяет это пищу и питьё!
Не видят ночи, дня – волшебное житьё,
Они не ведают страдания и страха...

Узнай, Булукия, семью рядами земли
Все расположены, и свойства их не знает
Никто на свете, кто на свете пребывает,
Но Вечный Ангел... на плечах несёт их, внемли...
Аллах великий сотворил под ним скалу,
А под скалой быка, что взглядом не узреть.
А под быком такую рыбу, что смотреть
Миллионом глаз, и не увидишь всю длину...
Осведомил Аллах Ису о рыбе этой,
Тот вспылал желаньем рыбу увидеть,
И разрешил Аллах ту рыбу показать.
Но только... молнию увидел, смерч кометой...
И сразу в обморок упал!
Когда очнулся,
Спросил Аллах Ису:
– Что видел ты, ответь?
Он отвечал:
– Клянусь, я видел только треть
Того быка, три дня смотрел, не оглянулся...
И рассмеялся тут Аллах:
– То голова
Была всего лишь от быка, а рыба что же?
Я сорок рыб таких творю, на ту похожих,
Да каждый день, и это... капелька труда...
Булукия ангела спросил:
– Та рыба в море?

А что под морем?

– Там есть пропасть, тьма огромна...

Под ней огонь, под ним змея, что первородна,

Внутри неё – геенна огненная стонет...

Два раза в год змея вздыхает для того,

Чтоб жар геенны изнутри ей испустить,

В другой раз жар остывший следует впустить.

Кто может выдержать такое? Да никто...

Булукия сильным плачем снова зарыдал...

Затем простился с этим ангелом и в путь

Пошёл свой дальше, чтобы гору обогнуть.

А пред Вратами двух существ уж увидал...

Один похож на прегромаднейшего льва,

Другой по образу быка. Они вопрос

Ему, как водится:

– Что ты, и кто принёс

Тебя на гору, и зачем тебе Врата?

Он отвечал, что долго в странствиях пробыл,

С пути сбивался много раз, всё от любви

Он путешествует, хотел узреть в яви

Пророка всех времён, которого любил.

Потом спросил:

– А что такое Ворота?

Что вы такое, объясните мне на диво?

– Мы сторожа, – услышал он, – стоим ревниво

И охраняем вход, закрыв свои уста...

– А что находится за этими Вратами?

Он продолжал свои расспросы, а в ответ:

– Не знаем мы, не можем знать мы наш секрет.

– А кто же может, раз не можете вы сами?

– Джабрил умеет это делать, – знать ответы...

Они ответили и снова замолчали,

Как будто не было ни знанья о начале,

Ни назначения Ворот, ни тайны света...

Взмолился вновь Булукия, тайнами пленён:

– О, Всемогущий, пусть придёт сюда Джабрил!

Аллах услышал и Джабрила отпустил!

И тот... открыл Врата

...слияния Времён...

И так сказал ему:

– Войди, Булукия, в них.

Аллах мне это разрешил, иди вперёд.

Затем он запер Ворота и, в свой черёд,

Ушёл с горы и... от Ворот Времён своих...

А пред Булукием... большое Море вновь,

Наполовину вод солёных в нём лежит,

Наполовину пресных пеною кипит,

И снова ангелы, творящие любовь.

Он поздоровался и справился у них

Об этих водах, что сливаются в одно.

– Знай, это Место под Престолом Одного.

Мы делим воду для земли в мирах благих...

А ты куда идёшь?

И он им отвечал

Подробным образом про каждую межу.

Спросил дорогу на прощанье... – Ухожу.

И, соком смазав ноги, Морем зашагал...

Встречал в своём пути он ангелов не раз,

Со всеми честно говорил и дальше шёл.

И вот до места погребения добрёл.

Там скорбный юноша, что слёзы льёт из глаз...

Он поздоровался да спрашивает так:

– Скажи, кто ты, причину слёз разобъясни.

– Мой брат, – ответил тот, – страдания мои...

И вся история моя – неявный знак.

Знай, эта повесть удивительна настолько,

Что не любой её поймёт.

Я расскажу...

Но прежде ты поведай мне свою нужду.

И сел Булукия, задумавшись неволью...

Да по порядку всё подробно рассказал,

Про то, что он любовью преданной движим,

Что Мухаммада ищет он, неудержим...

И остальное, что воочию видал...

– Вот вся история моя, но сам Аллах

Лишь знает истину, словами не сказать

Всей жизни долгой, да и краткой не объять.

Сама же истина... скрывается в веках...

И снова смотрит он на юношу:

– А ты

Скажи мне имя и историю, мой брат!

И тот вздохнул:

– Ты видел каплю, став у Врат,

А я встречался с Сулейманом той поры,

Когда он жил, и видел все его деянья!

Но эта повесть, свято тайна бытия...

И тут Хасиб взмолился вновь:

– Молю тебя,

Царица змей, отдай же слугам приказанье,

Чтоб на лицо земли меня уж отвести.

Клянусь, не буду в баню даже заходить,

Клянусь, что дома омовения вершить

Отныне стану. Умоляю... отпусти!

Я не нарушу клятву и не захочу,

Поверь, пожалуйста, прекрасная Царица!

– Да хоть сто клятв ты дал бы, мне не удивиться...

Я не поверила б тебе, я не шучу...

Ведь сын Адама, как отец, обет нарушит,

Что он Аллаху дал. А сорок утр месил

Для тела глину сам Аллах в избытке сил.

Да кто поверит, тот себя лишь и научит...

Он дал обед, но не исполнил всё ж его,

И потому тебе нет веры, уясни, -

Сказала так Царица змей, – и не кляни

Свою судьбу, ведь это опыта зерно...

Но снова стал Хасиб молить. Служанки-змеи

Над ним вдруг сжалились, и слово говорят:

– Поверь ему, ведь у него лучистый взгляд!

Царица змей им отвечала:

– Лгут, не веря,

Что все сыны Адама вынуждены лгать...

Но всё же сжалилась она на этот раз.

Велела слугам увести его от глаз,

И на лицо земли...

...Хасиба приподнять...

А перед этим клялся клятвою великой,

Что не нарушит он обет. Царица змей,

Что звали Ямлиха, велела: – Так не смей

Неблагодарным быть!

Сама же стала тихой...

Как бы задумалась о будущем она...

И вновь Хасиб просил:

– Но прежде расскажи,

Кто был тот юноша скорбящий, опиши.

Ужели царство Сулеймана... не из сна?!

Ужели, в самом деле, царство есть такое,

Что человеку можно видеть и узнать?

Неужто, можно запредельное понять,

Недостижимое достичь и неземное?

РОЖДЕНИЕ СЫНА ЦАРЯ ТАЙГАМУСА

– Знай, о, Хасиб, -

Ему Царица отвечала, -

Что сел Булукия с тем юношей и всё,

Что с ним в пути его тогда произошло,

Ему подробно рассказал с первоначала...

А тот ему в ответ:

– О, брат мой, много ты

Диковин разных повидал, печали много...

А я увидел Сулеймана, время грома,

И время царствия Его, всей полноты...

Знай, брат,

что мой отец Тайгамус был царём,

Страною правил он Кабуль и Бану Шаха,

Богатырями в десять тысяч, мощь Аллаха,

А кроме этого миллион градов при нём,

Где каждый воин-богатырь распорядился

Ста городами справедливо и надёжно.

Аллах был милостив к нему. Одно тревожно, -

Что без наследника, без сына он остался.

Одно желание имел он -

сына жаждал.

И вот призвал он звездочётов и спросил:
– Скажите мне, пока ещё я полон сил,
Кто мне заменой станет в старости однажды?
И звездочёты книги мудрые раскрыли,
Да рассмотрели путь звезды, что в восхожденье
Была для рода, просчитали вычисленья,
И вот ответ: – Родится сын! – провозгласили.
– Знай, царь, получишь от царевны сына ты,
Царевна – дочка Хорасанского царя.
Тайгамус, радостью великою горя,
Визирю дал приказ собирать скорей дары.
Визирь – славнейший богатырь всех царств восточных,
Что стоил тысячи других богатырей.
– Иди же в путь, Айн Зар, собирайся поскорей.
И к Хорасанскому царю отправься срочно.
Посватай дочку за меня, ведь мудрецы
Мне предсказали нынче сына от неё!
Тотчас дары собирает визирь для того,
Чтоб Хорасанскому царю везти. Купцы
Собрали тысячу пятьсот тюков из шёлка,
И жемчуга в ларцах серебряных, и блюда
Златые с жемчугом, алмазом, изумрудом...
Перечислять не станем, было б слишком долго...
Визирю царь даёт важнейшее посланье,
В котором просит Хорасанского царя
Отдать красавицу царевну за себя.

А вот и строчки из письма, что в окончанье:
– А после этих славословий, шлю привет,
Тебе, великий царь, с прекрасным сообщеньем,
Что мудрецы мои, по звёздам, их движенью
Сулят мне сына, что возрадует весь свет.
И он родится, знай, от дочери твоей!
Визирь Айн Зара мой доставит все дары.
Я царь могущественный, это знаешь ты,
Прошу я в жёны дочь, пришли её скорей.
Женюсь на ней, и будут царства наши слитны,
Я ежегодно буду денег присылать
Тебе с избытком, вместе будем пировать.
Зачем нам войны и зачем лихие битвы!
Письмо скрепил печатью царскою своей.
Визирь со свитою отправился в поход,
Дары бесчисленны с собою он везёт.
А царь считает, сколь пройдёт до встречи дней...
И вот посольство состоялось в Хорасане.
Царь Хорасанский был обрадован, к жене
Идёт с известием:
– Что скажешь нынче мне?
– Я тоже рада и препятствовать не стану.
Царевна... знала наперёд – был вещий сон:
– Тебе судьба подарком счастье присылает!
Земля могущественней мужа и не знает!
Женою станешь ты и матерью потом!

Царь Хорасанский шлёт ответ царю о том,
Что просьба выполнена будет. Вот и сборы
Идут всем ходом, возбуждая разговоры
О пышной свадьбе, угощениях за столом.
Пир, в самом деле, был велик!
Затем царевну
Везут к Тайгамусу с дарами дорогими.
С приданым царским и ларцами золотыми.
И снова пир, как полагалось издревле.
Встречал царевну город дивными цветами,
Играла музыка, повсюду угощения
Стояли щедрые для славного веселья.
И новобрачных одаряли все дарами.
А после свадьбы уничтожил царь счастливый
Царевны девственность, она же зачала,
И в срок положенный сыночка родила.
Царевич был, как и предсказано, красивый.
И вновь зовёт царь мудрецов и звездочётов,
Чтоб те судьбу младенца точно предсказали.
Те в восхождении звезду нашли, узнали,
Что будет дальше, после нескольких расчётов...
– Вначале тяготы и трудности судьбы,
И, если выживет, то будет жить приятно,
А коль умрёт – Аллаха воля то, понятно.
Распоряжается Он в мире суеты.
Назвал Джаншахом царь сыночка и вручил

Его кормилицам и нянькам, воспитал.
Когда подрос он и немного возмужал,
Читать Евангелие царь его учил,
Владеть копьём, мечом. И в семь неполных лет
Он стал красавцем, молодым богатырём.
Отец же радовался каждым новым днём,
И на охоту брал, отказов сыну нет.
Вот как-то раз Тайгамус с воинами своими
Поехал в степи на охоту, взял Джаншаха.
Три дня охотились, с удачей от Аллаха,
Но вдруг газель промчалась нежная пред ними...
Джаншах увидел ту газель, и сам погнался,
Быстрее ветра вслед за нею полетел.
Семь мамлюков за ним отправить повелел
Тайгамус тотчас же, и ждать он их остался.
Газель диковинного цвета... всё летела
Стрелою, пущенной умелою рукой,
И вот уж к морю привела их за собой,
Да в лодку впрыгнула у берега умело...
Они за нею.
В это время вдруг Джаншах
Увидел остров неизвестный впереди,
И повелел он мамлюкам к нему грести.
Аллаху ведомо... куда плывём в веках...
Они доплыли и отправились гулять,
Хотя газель на это время привязали.

Плодов поспевших на ветвях насобирали,
И вот вернулись к лодке, к берегу опять.
Плывут назад, но вдруг откуда-то задул
Сильнейший ветер да поднял такую бурю,
Что мглой затмила им глаза. Они косую
Бранили бедную под грозный моря гул...
А лодка... в море уплыла и затерялась.
Так до утра, кружа по морю, и проспали.
А утром... море лишь вокруг! Морские дали,
Земля неведомо в каком краю осталась...
Вот так всё было с ними.
Царь же разыскал,
По всем краям кружа с отрядами, то место,
Где сторожил мамлюк коней до утра честно.
Всё происшествие царю тот рассказал.
Про то, как дикая газель стрелою мчалась,
И в лодку впрыгнула зачем-то, а они,
Шесть мамлюков с Джаншахом, в лодке той ушли
На остров дальний...
В море буря разыгралась...
Услышал царь рассказ и плачем зарыдал,
И с головы сорвал венец, кусая руки.
А, успокоившись немного, боль разлуки
Он в письмах всем островитянам описал.
Сто кораблей он разослал в Семи Морях
Веля кружить им, чтоб найти родного сына.

А те кружили целый месяц на помине,
Но не нашли следов и в дальних островах...
А что касается пропавших, то они
Блуждали морем долго-долго, истощали,
Припасы съели и косулю ободрали,
И без воды... они прожили эти дни,
Как вдруг подул
сильнейший ветер и погнал
Их лодку в сторону, где остров оказался!
Там человек в камнях у берега копался,
Он у ручья сидел и словно что-то ждал...
Когда на берег вышли, тот заговорил,
Но речь... на птичью походила.
А затем
Он на две стороны взглянул и вдруг сумел
Напополам... сам разделиться, словно джинн...
И половинки... разошлись по сторонам!
Но набежали вдруг другие, что похожи,
Да разделились пополам и эти тоже!
Джаншах и воины... не верили глазам!
С горы на берег эти дивы прибежали,
И все делились пополам, пугая взглядом.
И разбухали, будто нечто было рядом,
Что позволяло, а иначе бы не стали...
Они как будто съесть хотели вновь прибывших.
Тогда и понял принц, что это неспроста,

Что поджидает их великая беда.

Что их съедят, а все сочтут их за погибших.

Джаншах и воины мигом к лодке побежали,

Но мамлюков троих схватили эти звери.

А остальные в лодку впрыгнуть всё ж успели

И погребли, и смерти верной избежали...

ОБЕЗЬЯНЬЕ ЦАРСТВО

Вот снова ветер лодку силой подхватил
И вынес в море, и понёс куда-то вдаль.
Вот снова остров перед ними, словно ларь,
Что драгоценностями путников манил.
На нём деревья, полносочные плоды,
Ручьи искрятся и журчат не умолкая,
Газели, птицы заливаются, играя,
Вокруг леса, но как цветущие сады...
Вот на разведку мамлюки пошли втроём.
Джаншах остался возле берега один.
А те обследовали остров до глубин,
Нашли там мраморную крепость, водоём,
Вошли туда...
Столы стоят из янтаря!
И никого вокруг не видно. Посредине
Прекрасный сад, каких не видели в помине,
А пруд в саду блестит, как чаша хрусталя.
Кругом седалища из камня малахита,
И трон из золота червонного блестит.
И от цветов дурман волшебный к ним летит,
Оградка спелым виноградом вся обвита.
Такое место, что словами не сказать,
Но никого вокруг не видно... И они

Пошли на берег, рассказали, как могли,
И вот Джаншах идёт по крепости гулять.
Флодами голод утолили, насладились
От вида дивной красоты, затем стемнело.
Они на ложа улеглись.
Вдруг... зашумело,
И с моря тёмной тучей нечто навалилось...
То оказались обезьяны... Лодку их
Они немедля потопили и явились
Кишащей массою, и тут уж подивились...
Истошным криком все кричали на своих.
Потом толпою подошли и окружили,
И землю возле ног прибывших... целовали.
Потом газелей испекли, да пировали,
Но прежде всех... гостей почётных угостили.
И стали знаками друг с другом говорить.
Затем плодами угощали, восславляя
Аллаха хором, уваженье проявляя
К Джаншаху радостно, что радость-то таить.
Джаншах спросил старейших:
– Что такое вы?
И что за место тут, и чьи же это блюда?
– Знай, это место Сулеймана! Сын Дауда
Сюда приходит каждый год в день полноты.
Знай, царь, ты сделался султаном нам навек.
Теперь служить тебе мы будем безупречно!

А следом землю целовали бесконечно...
И не сказал Джаншах ни слова им в ответ.
Ушла вся стая, и остались только слуги.
И до утра все спали крепким-крепким сном.
Наутро многие вернулись, а потом
Просили суд вершить над ними в царском круге...
Затем явились обезьяны на конях,
Собаки были их конями, но большие.
Вновь подивился принц на сборы удалые,
И вот в поход его зовут. Огонь в глазах!
Идут до моря, где затопленная лодка.
Джаншах их спрашивает:
– Где моя ладья?
А те в ответ:
– Мы потопили-то не зря,
Чтоб не уплыл от нас султан, – взглянули кротко.
А дальше к берегу реки они пришли,
За ней гора, а там уж племя индюков.
И бой пошёл меж ними, битва двух миров!
И птицы злобные победу обрели.
Тогда Джаншах приказ даёт для мамлюков:
– Берите луки, стелы, птиц гоните прочь.
И стали гнать они свирепых, – тем невмочь,
Так убежали толпы диких индюков.
А обезьяны ликовать тут принялись,
Да так кричали, что тоска взяла Джаншаха,

И он пошёл вперед на гору, звать Аллаха,
А перед ним... доска из мрамора явись!
На ней старинными словами начертали:
– Ступивший в эту землю, станешь ты султаном
Над обезьянами. Уйти же – лишь обманом
От них сумеешь, коль сбежишь за эти дали.
Пойдешь налево, – там в три месяца пути
Проход опасный, населённый диким миром:
Ифриты, мариды, что движутся эфиром,
Коль уцелеешь, к морю сможешь ты дойти.
А море это... мир всецело окружает.
Ты вне его границ не сможешь дальше жить.
Стремись туда, куда судьбы золотая нить
Ведёт тебя, куда... никто пока не знает.
Пойдешь направо, – путь окажется длиннее,
Долину встретишь муравьёв, остерегайся,
Сумеешь выжить, так на гору подымайся
И десять дней иди, о прошлом не жалея.
Потом достигнешь ты реки большой, текучей.
Она стремительна.
В субботы ж... высыхает.
А рядом город, где народ не почитает
Ни Мухаммада, ни Аллаха. Он под тучей.
И знай ещё, что Сулейман писал рукою:
– Я – сын Дауда. Мир тебе и всем мирам.
Не оставайся здесь, а действуй с миром сам.

Не предавай богов, пророка, мир с тобою.
Прочтя послание,
Джаншах, заплакал плачем,
Затем поведал мамлюкам о тех словах,
Что прочитать помог, конечно же, Аллах.
– Нет безопасного пути, а это значит,
Что мы останемся на месяцы иль время,
И будем думать, как нам быть, куда бежать.
И ничего не мог он больше им сказать.
И целый год он возглавлял чужое племя...
Вот как-то раз они охотились на бреге
Где у горы проход в долину муравьёв.
А перед сном собрал Джаншах трёх мамлюков,
Да сообщил им о немедленном побеге.
Как обезьяны задремали, осторожно
Они ушли и побежали по долине,
Бежали ночь, к утру достигли середины,
Но вот погоня, догоняют,
безнадежно...
И вдруг, откуда ни возьмись, на них армада
Бежит огромных муравьёв. В глазах – темно!
Величиной с собаку это существо,
И превосходит втрое даже обезьяну.
Сцепились армии врагов, как саранча,
Что истребляет всё живое, что вокруг.
И бой великий шёл на смерть, одно из двух:

Убить, иль быть убитым, криками крича...
Джаншах с товарищами дрались среди них,
Спиною став друг к другу, образуя круг,
И этим вызвали в дерущихся испуг,
Так постепенно бой смертельный и затих.
Когда настало время вечера, Джаншах
И мамлюки бежали вглубь долины этой.
Всю ночь спешили до зари они рассветной,
А утром снова обезьяны на пятах...
И завязался снова бой. Два мамлюка
Погибли в этом устрашающем сраженье,
И муравьи вновь появились в окруженье,
И на скалу бежал Джаншах.
Под ней... река...
А силы слишком неравны, пути им нет,
Они с обрыва вниз!
Плывут в реке вдвоём,
А там пороги:
всё шумит, гремит как гром,
А впереди уж водопад, и меркнет свет...
Мамлюк ударился о камень и погиб.
Джаншах без сил почти, но всё же умудрился
До ветки дерева достать и уцепился...
По ней взобрался он на берег...
и постиг,
Что вот один совсем остался

в целом свете...

И горько плакал день до вечера, а там

Нашёл пещеру и в беспамятстве упал,

И до утра забылся сном.

А на рассвете...

ИСТОРИЯ ДЖАНШАХА

А на рассвете он пошёл до той реки,

Что по субботам просыхает.

Видит – град.

В субботу русло перешёл и наугад

Он постучался в дом, где жили пастухи...

А обитатели молчат... Он говорит:

– Я чужестранец, так устал, проголодался!

Ему же знаками:

– Поешь.

Он удивлялся...

Поел, попил, остался на ночь. Вот уж спит...

А поутру его приветствует пастух:

– Добро пожаловать! Откуда и куда?

Джаншах услышал эти добрые слова

И зарыдал и, укрепив немного дух,

Всё по порядку рассказал, что было с ним.

И удивился тут пастух:

– Я не слышал

О граде том, где ты родился, рассказал

Ты мне неведомое, добрый господин.

У нас в субботу строго принято молчать,

Поскольку речка высыхает, а дожди

Не любят речи. Ты всмотрись да подожди...

Сумеешь нашу жизнь немножечко понять.

Но здесь бывают иногда купцы из стран,

Что с караванами идут один раз в год.

Джаншах с надеждою спросил:

– Когда черёд?

– Да через год лишь и прибудет караван.

Но не горюй, живи пока что у меня.

А как придёт тот караван, уйдёшь домой.

Джаншах два месяца прожил, и в день любой

Он шёл встречать тот караван, мечту храня...

Случилось так, что он услышал как-то раз,

Что человек кричал: – Я тысячу динаров

Отдам и девушку в придачу, и товаров,

Тому, кто сделает работу на заказ.

Всего один раз он потрудится полдня, -

Кричал весёлый зазывала, – и добудет

Богатство, девушку красавицу, и будет

Отныне счастлив он, судьбу благодаря!

Джаншах к нему:

– Готов работать я, пошли.

Приходят к знатному купцу, и зазывала

Так говорит:

– Кричал три месяца, немало,

Лишь этот юноша откликнулся, плати!

Купец велел пришельца вкусно накормить,

Одежды шёлковые дал, ведут и деву,

Что красотой затмит наверно королеву.
Играли целый день, да что и говорить...
А уж под вечер тот купец ушёл в гарем,
Джаншах же с девушкой провел чудесно ночь.
Наутро в бане мылся он, а днём точь-в-точь,
Всё как вчера, играли, пели, а затем
Купец сказал:

– Назавтра выполнишь работу.

Едва светало, в путь отправились они
На двух мулах, к горе высокой подошли,
Которой не было предела.

– Вот заботу

Тебе даю, – сказал купец, – зарежь мула.

И нож даёт ему, веревку. Тот связал
Мулу все ноги и зарезал, как сказал
Хозяин. Дальше речь такая изошла...

– Тебе приказываю я освежевать

Мула и внутренность из брюха всю извлечь.

И самому туда приказываю лечь,

А я зашью. А ты мне должен рассказать,

Что там увидишь, где окажешься на воле.

Джаншах исполнил всю работу, а затем

Купец укрылся у горы. Тут налетел

Огромный гриф на тушу, рад кровавой доле,

Схватил когтями и помчался в высоту,

Да на вершине той горы и опустился.

И стал когтями рвать мула, и торопился...
Джаншах почувствовал неведому беду,
И, разорвав все нитки, выбрался на свет.
Тут изумился гриф и даже испугался,
Что человек внезапно рядом оказался,
Да улетел за облака от всяких бед.
А на вершине той горы, где облака
Достать рукой, лежали грудами алмазы!
И драгоценные камни и топазы!
А рядом... кости... Вот такой была гора.
Джаншах невольно осмотрелся... и вокруг
Увидел трупы, человеческие кости.
И закричал он, негодуя уж от злости!
Купец с подножия горы:
– Коль ты не глуп,
То скинь мне камни драгоценные, тогда
Я укажу тебе к спасению дорогу.
Джаншах стал скидывать алмазы понемногу,
Но просветление явилось от труда...
Он догадался, что обманут. А купец,
Собрав богатства, погрузил их и домой
С мулом отправился довольный сам собой,
Прекрасно зная, что Джаншаха ждёт конец...
Три дня с алмазами и грудой мертвецов
Провёл Джаншах, затем пошёл он по горе.
И шёл два месяца по каменной стезе,

Питаюсь горьким соком диких огурцов.
И, наконец, дошёл до самого конца,
К подножью быстро он спустился, там долина:
Кусты, деверья, птицы, травы, что перина,
Плоды поспевшие висят аж у лица.
Ликуя искренне, вкусив плодов, идёт
Он по долине, видит тёмное ущелье,
А из него ручей, излившийся в веселье.
И счастье... цветиком в душе его цветёт!
А вот долина, что виднелась с высоты!
Он стал ходить по ней направо и налево,
И поворачиваться смело и несмело,
Да вдруг увидел пред собой – предел мечты:
Дворец волшебный, купола под небесами!
Он подошёл к нему. Вдруг старец у ворот...
Прекрасный ликом, вот к себе его зовёт,
И словно светом солнца светит он глазами...
Джаншах приблизился, приветствуя его.
Ответил старец:
– Сядь, дитя, да отдохни!
Кто ты, куда идёшь, зачем считаешь дни?
Заплакал юноша, не зная от чего...
Принёс старик ему еды да говорит:
– Ты разрываешь сердце мне, сынок, уймись.
И расскажи мне, что случилось, не таись.
Джаншах Аллаха милосердного молит:

– Благодарю тебя, Аллах, за эту встречу!

И всю историю свою, и все напасти

Он рассказал ему, и плакал вновь от счастья:

– Скажи мне, кто ты? – А старик:

– И я отвечу...

Знай, о, дитя моё, долина и дворец,

И всё, что в нём, и что заложено в долину,

Принадлежит всё Сулейману господину.

Знай, сын Дауда – царь Времён, векам Отец.

Меня зовут шейх Наср, я птицам мира царь.

Учил меня сам Сулейман их языку,

И, власть над ними дав, велел мне на веку

За сим дворцом следить, храня его как встарь.

Здесь не ступал ни сын Адама, ни Адам,

Что на земле живёт. Здесь Даль для всех Времён.

Столица Вечности миров и всех племён.

И птицы раз в году слетаются в наш Храм.

Мы производим им досмотр, и улетают

Обратно птицы.

А Джаншах молит опять:

– О, как домой бы улететь, заждалась мать...

В ответ ему старик:

– Об этом годы знают,

Но мы находимся от Каф горы так близко,

Что до прилёта птиц уйти нельзя никак,

А прилетят все птицы, дам тебе я знак,

И поручу тебя одной из них, без риска.
Придётся жить тебе пока краю моём.
Он жил у старца, ел плоды и наслаждался.
А срок прилёта птиц всё время приближался.
И шейх ключи Джаншаху дал, сказав притом:
– Открой к прилёту птиц все залы, двери замка,
Всё осмотри, и лишь одну не трогай дверь.
Иначе быть тебе среди своих потерь.
И сам отправился встречать птиц спозаранку.
А что касается Джаншаха, сразу он
С ключами замок обошёл, открыв все двери,
А ту, запретную, не тронул, но уверил
Себя в возможности открыть её, потом...
Подумав так:
– Возможно, эта лучше всех,
Что во дворце, зачем бы шейх мне не велел
Туда ходить?
Какую мысль в себе имел?
Я посмотрю, рабу простится этот грех...
А ключ от зала был, конечно, золотой.
И дверь кедровая, тяжёлая, резная...
Он приоткрыл, а там... палата расписная!
А в ней – бассейн, и замок маленький витой.
Он весь из золота, серебра и хрусталя!
А створки всех окон из яхонта, а пол
Из малахита! Он, конечно же, вошёл,

И всё смотрел и удивлялся, мир хваля.
Бассейн тоже золотой, а в нём вода,
По краю маленькие бронзовые вазы,
И птицы сделанные, словно по заказу,
Для струй фонтана, и вода в них, как слюда!
А ветерок качал тихонько струйки дива,
И звуки нежные лились, переливаясь.
Джаншах смотрел, всё больше, больше удивляясь,
И стал гулять по саду: – Как же всё красиво!
Зашёл в дворец, а там чудесные ковры,
И много редкостей, диковинок, и чаши
Все в жемчугах, что и не вздумается краше,
Рубины ценные в оправках, как дары...
Взошёл в шатёр, что размещён был у пруда,
И там заснул на мягком ложе, а потом,
Когда проснулся и ушёл волшебный сон,
Увидел птиц, каких не видел никогда...
Три птицы, севши у бассейна, поиграли,
А следом перья снимали, как наряды,
И стали девицами, сладкими для взгляда,
Такой красы мы в мире нашем не видали...
Луна смутилась бы от дерзкого сравненья,
И солнце стало бы бледнее рядом с ними,
Такие прелести достойны лишь богини,
Стройны все трое, словом – чудо восхищенья.
Джаншах приблизился, приветствуя их нежно.

Они ответили. А он с вопросом к ним:

– Кто вы, красавицы, велением каким

Здесь оказались?

Удивились те безбрежно...

– Пришли из царства мы великого Аллаха,

Чтоб погулять в любимом месте Сулеймана.

Ко младшей юноша идёт, боясь немало,

И говорит:

– Умилосердись, дева–птаха!

Смягчись и сжался надо мною, ведь печали

Моей нелёгкой жизни трудно передать.

Она воскликнула:

– Уйди, нельзя мечтать,

Тебе неведомы неведомые Дали...

Джаншах услышал и, заплакав, отошёл...

Да стал стихи такие деве говорить:

– В саду явилась ты, прекрасная, как быть?

Одежды шёлковые скинула на пол...

И распустила ты медвяные власа,

А я спросил: – Как звать тебя?

Ты отвечала:

– Я та, что сердце обожгла, – и замолчала...

А я стал сетовать судьбе, моя краса...

И ты промолвила: – Скале ты говоришь!

А я в ответ: – Уж, коль скала твоя тверда,

Аллах велит, и из скалы пойдёт вода,

Поток из камня, что у сердца ты таишь...
От красноречья в девах вспыхнули огни,
Они разнежались и начали играть,
А он плоды принёс и стал их угощать,
Так веселясь, уснули крепким сном они.
Наутро девушки те перья понадели,
И, превратившись в гурий, вовспарили ввысь,
Домой из сада безмятежно понеслись,
И попрощаться-то с Джаншахом не хотели.
Как он увидел, что скрываются из глаз
Три птицы яркие, так ум ушёл от тела...
Упал в беспмятстве на мрамор пола белый
И крик великий испустил в прощальный час...
А, между тем, шейх Наср сказал одной из птиц:
– Здесь мальчик маленький, его вела судьба
Из дальних стран через несчастья сюда.
Прошу, снеси его домой путём зарниц.
Там сердце радостью наполнится его,
Он будет помнить всё, что с ним теперь случилось,
Бесценный опыт получил он, словно милость,
Его судьбою было то предрешено...
А птица так в ответ: – Я слушаю тебя
И повинуюсь, господин любимый мой.
И шейх пошёл искать Джаншаха.
Сам не свой
Нашёл его он там, куда входить нельзя!

Лежал на мраморе в беспамятстве Джаншах.
Принёс тут старец благовонья, и очнулся
От них наш юноша, невольно оглянулся,
Но не нашёл того, желанного... в глазах...
И от печали превеликой стал стихи
Он бормотать, и вот услышал мудрый шейх:
– Она явилась, словно в море солнца шлейф,
И гибок стан, и речи нежные тихи...
Сияньем глаз своих она миры пленяет,
Благоуханьем губ, что розами, манит,
Власами медными легонько шелестит,
Душа же... каменная, жалости не знает...
А стрелы огненные бьют из-под ресниц,
И, в цель мгновенно попадая, убивают.
Краса её прекрасней той, что люди знают,
Ей нет соперницы среди всех земных девиц...
Услышал шейх слова безумные его,
И произнёс: – Не говорил ли я тебе,
Чтоб в эту комнату, что скрыта в глубине,
Не заходил ты, и не трогал ничего?
Дитя, поведай мне о том, что приключилось,
Когда, послушавшись, вошёл куда нельзя.
И рассказал Джаншах, крупницы не тая,
Что было с ним, как превращенье получилось...
Услышав, шейх заговорил ему в ответ:
– Узнай, дитя, что джиннов дочери тут были.

Те раз в году лишь прилетают, как открыли
Себе на радость этот маленький секрет.
Да развлекаются они лишь до утра,
И улетают вслед за тем к себе домой.
– А где их дом? Скажи мне, тайну их открой!
А Наср ответил: – Я не знаю, где страна...
Затем добавил: – Так пойдём, приободрись!
Ты полетишь к себе домой на крыльях птицы,
Оставь любовь, что, может быть, тебе лишь снится!
В дорогу дальнюю теперь же соберись.
Джаншах без чувств упал, сражённый приговором.
Когда очнулся, то взмолился: – Мой отец!
Я не хочу теперь домой, там мне конец,
Хочу любимую увидеть с ясным взором.
Хотя б и год пришлось мне встречи ожидать.
Хотя б и вовсе не увижу я родных,
О, помоги моей беде в краях своих,
Ведь только здесь смогу её я увидеть...
Аллах тебе поможет, ты же мне внемли!
На это шейх ему:
– Клянусь тебе Аллахом,
Не знаю девушек, страны их, я монахом
Живу столетия в волшебной сей Дали.
Но если ты увлекся так одной из дев,
Что жить не можешь без неё, тогда останься,
Живи тут год, дождись её. Да постарайся...

Как прилетит она под сладостный напев,
И перья скинет, ты тотчас их забери!
Возьми одежду той, которую желаешь.
Они поплавают в бассейне, ты уж знаешь,
И лягут спать. А ты спрячь перья до зари.
Наутро спросит очень ласково тебя:
– Отдай мне перья, я прикрою ими тело.
Но ты не слушай, смело делай своё дело.
И, даже вспыхнет жаром гневного огня,
Ты не давай!
Но и не бойся, я потом,
Как улетят другие птицы, помогу
И примирю вас, и к родному очагу
Тебя отправлю с ней вдвоём, в родимый дом.
И год прожил Джаншах у шейха в ожиданье,
Немного сердце успокоив встречей скорой.
И дни считал и размышлял о жизни новой,
И обо всём, что приключилось...
Ясность знанья
Возникла в думах одиноких не случайно...
Он много понял в этот год и вспомнил много,
Ему открылись тайны времени и света,
Узнал причины дел земных и суть секрета,
Стал слышать песни сфер из неба голубого.
Вот наступил тот долгожданный, чудный срок!
Джаншаху шейх совет, что сказан был, напомнил,

Чтоб аккуратно тот всё в точности исполнил,
Чтоб с девой в радости домой вернуться смог.
В саду Джаншах укрылся, ждёт прилёта дев.
И целый день там просидел, но всё напрасно.
Вот день второй сидит, тоскует он ужасно,
Но лишь на третий день дождался.

Оробев,

Он затаился, не дыша почти, стоит...

А птицы скинули все перья без опаски,

И только старшая сказала:

– Словно в сказке!

Хотя... предчувствие престранное томит...

Боюсь, не спрятался ли кто, да
вдруг обман?

Сестрица средняя промолвила на это:

– Да Сулеймановый дворец пустует леты,
Лишь раз в столетие гуляет Сулейман.

Затем и младшая воскликнула, смеясь:

– Клянусь Аллахом, драгоценные сестрицы,

Что если спрятался тут некто, то томится

Из-за меня. Похитить хочет, не таясь!

А он смотрел на них, они не замечали...

Но может только для забавы так вели

Себя сестрицы, и плескались, сколь могли,

И веселились да играючи кричали.

И вот Джаншах стремглав помчался, как стрела,

К одеждам девушек, и ту схватил, что надо.

А звали девушку – Шамса, очам отрада!

Они заметили его, и голоса

Их стали томными и ласковыми вдруг.

А, подойдя, они увидели красу

Джаншаха юного, и глаз его росу,

И тут прошёл у них нечаянный испуг.

– Кто ты, и как пришёл сюда, зачем одежду

Шамсы забрал, скажи, о, юноша прекрасный! -

Они спросили. Он ответил, сладкогласный:

– Я расскажу, коль вы подарите надежду.

И тут Шамса ему: – А как меня узнал?

А он промолвил: – Свет очей моих, отрада!

Всё расскажу и всё поведаю, как надо,

Так подойди ко мне, я год тебя тут ждал.

– О, господин, прохлада глаз моих, отдай

Одежду мне, чтоб я могла прикрыть себя!

– О, повелительница сердца, как же я

Отдам одежду? Ты велишь мне – умирай!

Шамса ему: – Коль не даёшь, так отойди,

Чтоб сёстры вышли и меня слегка прикрыли

Своими перьями, что с детства мы носили.

– Я повинуюсь, – он ответил, – выходи.

Одевшись, сёстры дали пёрышко Шамсе,

Что не позволило бы девушке лететь,

Но прикрывало наготу, дабы смотреть

Он, не смущаясь, мог, восторг дая красе.
Шамса выходит из воды, как солнце в небо,
Как полноликая луна на россыпь звёзд,
Мир затмевая ароматом нежных грёз,
А голосок звучит волшебнее напева:
– Прекрасный юноша! Меня ты погубил,
Но и себя... Скажи, случилось что с тобою?
И он заплакал, не справляясь сам с собою,
Тут поняла она, как он её любил...

Шамса вздохнула:

– Если любишь так меня,
То отпусти сейчас к родителям моим,
Я расскажу им и вернусь к очам твоим.
И стану жить в твоей стране, тебя любя.

Джаншах услышал и воскликнул:

– Как могла

Убить бы ты меня, да столь несправедливо?

– Но почему... убить тебя? – она ревниво

Ему в ответ, ведь жаром я тебя не жгла...

– Да потому, что... как оденешь ты одежду,

И улетишь, я во мгновение умру.

Шамса ему: – Не беспокойся, я пойду

Теперь же замуж за тебя. Храни надежду.

И в тот же миг она его поцеловала

Меж глаз и в щёку, и обнялись тут они,

Был слышен сердца стук, затем уж отошли

Друг ото друга, и Шамса уже сияла.

А сёстры фруктов принесли и угощали

Влюблённых весело, завидуя немного,

Что счастья не было у них самих такого,

Но срок когда-нибудь придёт в родные Дали.

И тут шейх Наср вошёл, приветствуя гостей.

Они ответили. И он Шамсе сказал:

– Знай, этот юноша любовью воспылал,

Великой, истинной, люби, не охладей.

Шамса на это отвечала:

– Повинуюсь!

И шейху руки целовала, наклонясь:

– Клянусь Аллахом, страшной клятвы не боясь,

Что выйду замуж за него. Я им... люблюсь,

И не покину я Джаншаха никогда!

С тех пор... три месяца они у шейха жили,

И пировали да играли, не тужили.

Остановилось время, канули года...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОТЦУ

Спустя три месяца отправились в страну,
Где жил Джаншах, они. – Останемся мы там, -
Шамса сказала, – будем счёт вести годам,
И знай, тебя я никогда не обману.

Отдай одежду мне, и вместе полетим.

– Я повинуюсь, – он в ответ. Пошёл в дворец,
Достал одежду и отдал ей, наконец.

Она одела, ставши птицей перед ним.

– Джаншах, садись ко мне на спину, и глаза

Закрой покрепче, и заткни получше уши,

Держись всей силою, летим мы через тучи,

В пути стремительном попутчицей гроза.

А шейх дорогу ей подробно объяснил,

Чтоб не запуталась над безднами седыми,

Средь звёзд блуждая, и не сбились молодые

С пути заветного. Да с тем и отпустил.

Шамса и с сёстрами своими попрощалась,

Веля поведать всё родителям своим.

И полетели... над простором голубым!

А среди звёзд Шамса... звездою оказалась...

Да вдруг она Джаншаху так и говорит:

– Хочу спуститься я на эту вот долину.

Мы заночуем здесь, из трав сложу перину,

Приятен воздух тут, леса, как малахит...
Он ей на это: – Делай так, как хочешь ты.
Они спустились, и Шамса его целует:
– Пойдём гулять. – А вот уж ночь крылом дарует.
Уснули крепко, а наутро им дары:
Лесные птицы принесли на ложе ягод,
Насобирали вкусных фруктов в дар влюблённым.
Щедра природа для любовью упоённых.
Любой момент их жизни сладостен и ярок.
Вот снова путь. И день, и ночь летели к дому.
Заметив знаки на пути, Шамса спустилась,
Тут место дивной красоты двоим открылось,
И оказалось, что Джаншаху всё знакомо!
Тут мамлюки по счастью рядом оказались -
Один из них в лицо царевича узнал!
С великой радостью к нему он подбежал:
– Рад возвращению твоему, а мы боялись,
Что ты погиб. Позволь обрадовать отца!
Джаншах ему:
– Скачи с приветом и назад,
Да привези палатку нам. Мы вступим в град
Через неделю, знай, царевна ждёт венца!
Готовит свадьбу пусть отец нам! Да гони,
Скачи же с вестью, не жалей, мамлюк, коня!
Помчались воины, духом радости горя,
И долетели ко дворцу часа за три.

Тайгамус в радости такой награду им
Вручил немедленно, и сам засобирался
Навстречу сыну, и всем сердцем удивлялся,
Судьбе счастливой, что вдруг сжалилась над ним.
Мамлюк царю открыл, что свадьба будет вскоре.
– С Джаншахом гурия из райских, знать, садов!
Весть эта музыкой звучала, гимном слов.
Царь с войском едет, а Джаншах уже в дозоре.

*

Как эту встречу вам достойно описать?
Как сердца радость передать обычным словом?
Всё, что случается, предписано законом,
А нам законы жизни важно понимать...
Да и раздумывать над тем, что сказка дарит,
И вспоминать события всех прошедших лет,
Что иногда нам проливают и ответ
На те вопросы, что судьба пред нами ставит...

СВАДЬБА, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ШАМСЫ

И вновь Джаншах сразил стрелой косулю метко.
Услышал музыку – войска к ним приближались...
Оставив лук, навстречу вышел, улыбаясь,
Вот наконец-то, сын с отцом обнялись крепко.
А воины, спешившись, поставили палатки,
Шатры, знамёна, загремели барабаны,
Запели флейты, и развеялись туманы.
Преобразилось всё! Исчезли даже складки
На лицах матери Джаншаха и отца.
Шамса из гурии в невесту обратилась
Красой невиданной, – божественная милость!
И вот идёт она в сиянии венца...
Царя приветствовать и села рядом с ним,
А тут же, справа от царя, сидел Джаншах.
Тайгамус обнял их, растрогавшись в сердцах,
И бурно радовался счастьем дорогим!
Вот произнёс:
– Ну, расскажите, что случилось,
Пока не видел я сыновнего лица?
И рассказали всё, с начала до конца.
Глаза Тайгамуса при этом увлажнились...

– Хвала Аллаху, что поддержку дал тебе,
Мой сын любимый, и тебе, Шамса, спасибо,
Что ты вернула сына мне. Ты столь красива,
Что не придумать счастья большего в судьбе.
Нет выше милости и мне, чем видеть вас,
Любовью связанных навеки! Изреки,
Шамса прекрасная, желания свои.
Я их исполню, назови и день, и час.

Шамса ответила:

– Спасибо. Я прошу
Дворец построить среди сада через год,
И чтоб под ним текла вода, водоворот
Мне мил с рожденья.
– Обещаю, я свершу! -
Ответил царь на это. Следом молодые
Навстречу к матери Джаншаха поспешили.
И с нею три часа подряд проговорили
Про всё, что было, и про Дали неземные...
А царь Тайгамус всё подарки раздавал
Для всех присутствовавших на желанной встрече.
И снова, царский плащ одев себе на плечи,
Со свитой царской в город быстро поскакал.
Ко свадьбе начали готовиться во граде,
И вот уж свадьба состоялась – Пир горой!
Сравнить ли с радугой, воскресшей над волной!
Сравню я с праздником весны в её наряде.

При этом боги были щедры на весь мир,
Да на счастливые сердца роняли взгляд,
И в небесах вершился свадебный обряд.
Ведь боги вместе с ними праздновали Пир.
Так планетарное движенье гимн творит,
Звучанье каждой сферы стройно, гармонично,
Так в каждый мир приходит слово, что первично,
И дарит радостью, и сказкой говорит,
Ласкает очи, запускает хороводы,
И разливает свет в мирах по чёрной мгле,
Творя пространства, времена в любой земле,
Так из мгновения рождаются восходы.
И все цвета да звуки – нити ожерелья
На лебединой шее дива-существа,
Что сотворяет формы мира естества
Желаньем мысли духа – Матери движенья.
Отец миров подлунных – времени копьё,
Родитель ритмов изначального начала,
Причина всех причин, что мудрость увенчала,
Источник вод эфира – вечности зерно!
Так боги празднуют пиры, а свадьбы – люди
Под хороводы всех планет вокруг светила,
Там мириады всех существ, узнав о чуде,
Познали рост, и жизнь на землях забурила!
Одновременно, и не сталкиваясь вовсе,
Взаимосвязано живут, многообразно,

В чередовании же – благо сообразно,
И благо каждого – есть рост, но есть и осень.
Так чудо мира воплощает свой обряд,
Любовью ход времён мгновенно ускоряя,
И силу ясной Мысли духом умножая,
Её огнями в мире звёзды все горят!
Потом собрал Тайгамус зодчих всей страны
И повелел дворец построить, как хотела
Шамса красавица. Джаншах для пользы дела
Решил в фундамент заложить наряд Шамсы.
Был изготовлен беломраморный ларец,
В него сложили оперение невесты,
И закопали в центре замка – благовестье.
Над ним был свод из девяти золотых колец.
А сам ларец свинцом был залит для того,
Что, если б вздумалось красавице опять
Наряд для цели иль без цели примерять,
То не сумела бы достать она его...
И через год дворец готов был!
Вот Шамса
Вошла в него, да вдруг узнала аромат
Своей одежды, сохранивший райский сад
Её родного дома, где она жила...
О, боги, как же
совершаются дела??
А после праздника, когда ушли все гости,

Она явилась в место, где был тот ларец,
Да раскопала...
И сняла с него свинец...
Ларец открыла и...
смятенья полны горсти!
Не удержалась и...
одела перья вновь!
И, ставши гурией, на ветку полетела,
Но разбудить Джаншаха слугам повелела.
Примчался тот и видит:
вот она – Любовь...
– Зачем свершила это ты? – с рыданьем он.
– Любимый муж, прохлада глаз моих, Джаншах!
Клянусь Аллахом, управляющим в веках,
Что я люблю тебя любовью всех времён.
Я очень радовалась граду твоему,
Твоим родителям, друзьям и всей стране.
Но, если любишь ты меня, приди ко мне,
В мою сокровищницу Такни, где живу. –
И в ту же самую минуту улетела
Она в свою страну, что Такни назвала.
Услышав эти невозможные слова,
Джаншах упал без чувств у страшного предела.
К царю помчались слуги, тотчас прискакал,
Вбежал в тот сад, где сын остался без дыханья,
И понял всё, что тут случилось – воздаянье...

– За что несчастием, Аллах, ты наказал!?

–

Спаси мне сына, умоляю я, Аллах!

И после этих слов, о, чудо, – сын очнулся!

Да вспомнил всё и вновь рыданьем захлебнулся.

И тут отец его, страдающий, в слезах

Спросил:

– Что было тут? Скажи, дитя моё!

Джаншах в ответ:

– Отец, узнай же, что Шамса

Дочь джиннов. Я влюбился в деву без ума!

И ничего не пожалею для неё.

Её крылатую одежду спрятал я...

Чтоб удержать здесь, в беломраморном ларце.

Залил свинцом и закопал тут, во дворце.

Она нашла её... и бросила меня...

– Дитя моё, – ему Тайгамус, – не печалься,

Мы соберём людей торговых и купцов,

И разузнаем про неё, в конце концов,

Найдём отца её. Лишь ты не убивайся...

И в ту же самую минуту вышел он,

Призвал визирей всех и так велел:

– Сберите

Народ купеческий, про Такни расспросите,

Где царство джиннов и сокровища времён.

Кто мне укажет путь, того я награжу!

И десять тысяч дам динаров из казны.
В ответ услышал: – Повинуемся, должны
Приказ исполнить.
Клич летит на всю страну.
Прошло немного дней, ответа нет и нет...
В стране царя никто про Такни не слышал.
Тогда прекраснейших невольниц царь собрал,
Послав Джаншаху с ними царственный привет...
А следом лучших из разведчиков подальше
Отправил в страны близлежащие узнать,
Как ту сокровищницу Такни разыскать.
И возвращаться им велел как можно раньше.
Но вот два месяца прошло, ответов нет.
Загоревал тут царь и к сыну приезжает,
Да говорит:
– Про Такни, сын, никто не знает.
Но вот невольницы... красой затмят и свет!
И грациозные, что лебедь, танцовщицы,
И обладательницы редких инструментов:
Ситары[1], арфы, флейты, что до комплиментов,
То лучше нет, чем сладкогласные певицы.
Джаншах в слезах и скорби отвечал отцу:
– Терпенье всё ушло, а страсть сжигает властно,
Недужен телом стал, страдание – ужасно...
Когда же дни разлуки явятся к концу?
А в это время и, конечно, не случайно

В индийском царстве царь Кафид, суров, как див[2],
Решил войной идти, почувствовав порыв
Отмстить Тайгамусу – врагу, что изначально
С ним враждовал, как повелось давным-давно.
Отец Тайгамуса с отцом Кафида бился,
И в том сражении победой освятился,
Погибли тысячи, а так заведено,
Что месть является причиной многих бед...
Война – одна из бед, что сеет всюду смерть.
Из всех царей, что знают жизни круговерть,
Лишь Сулейман не вёл войны, а в чём секрет?
Секрет скрывается надёжно в том кольце,
Что на руке его хранится по сей день.
Да будет мир над ним! Да сгонит солнце тень
С того, что мраком возвещает о конце...
А у Кафида в царстве несколько столиц,
Богатырей же было тысяча с одним,
И управляли каждый тысячью долин,
А в каждой – всадников четыре тысячи лиц.
В любой столице у Кафида был дворец,
А в нём сокровищ – невозможно перечесть.
И долетела до Кафида эта весть,
Что царь Тайгамус обессилел, наконец,
Что он любовью сына занялся теперь.
И царь индийский всех вельмож своих созвал,
Да речь такую перед ними он держал:

– Ослаб Тайгамус. Вспомним, сколько же потерь
Принёс он нам, и сколько войнов погубил!
Ведь земли наши разорял, и брал рабов,
И жёг дома, оставив сирот нам и вдов,
Бесчинства страшные он в Индии творил!
Теперь услышал я, что он любовью сына
Лишь озабочен, и войска его ослабли.
Так снаряжайтесь, наточите, войны, сабли,
И победителями станем мы отныне!
Итак, три месяца готовились к войне.
И вот уж полчища к границе подступили
Страны Кабуль, и вот уж сабли наточили,
И стали грабить, убивать в чужой стране...

БИТВА

Кабуль была страной Тайгамуса царя.
Веками славилась, считалась неприступной
Для всех врагов, а вся граница самой крупной
Стеной была окружена – пройти нельзя.
Но всё ж Кафид, ту стену силой проломив,
Несметным полчищем вошёл... страна в огне,
Жестокость начали творить враги в стране,
Непобедимыми себя вдруг возомнив!
А весть к Тайгумусу тотчас и долетела

О всех бесчинствах, что творятся на границе,
И понял он, пришла пора ему сразиться,
Коль враг проник за стену крайнего предела.
Собрал визирей он, эмиров, воевод
И обратился к ним с такими вот словами:
– Громит границы наши враг, разит стрелами,
Пора собираться нам с оружием в поход.
Так полководцы отвечали:
– Царь времён!
Готовы мы страну родную защитить,
И все бесчинства на границе прекратить,
А доблесть воинская воинам – закон.
Полки собираются в далёкую дорогу.
Бьют в барабаны и в литавры, дуют в трубы.
Знамена взмыли в небо, стрел готовят груды,
Коней подковывают, хлеб пекут помногу.
И царь Тайгамус с преогромными полками
Навстречу выступил, гонца послав с письмом
О страшной каре тем, кто явится со злом,
О грозной сече, что вершится над врагами.
С письмом посланец прибыл в стан царя Кафида,
Шатры увидел, что поставлены рядами
Из шёлка пёстрого, а в центре, меж шатрами,
Палатка красная, огромная, красива.
В палатке царской он увидел и царя,
Письмо почтительно вручив, стал ожидать,

Когда ответ дадут обратно передать.
И ждал недолго. Вот... вечерняя заря
Багрянец в тучи раскидала грозно яркий,
А следом чёрный купол небо всё укрыл.
Кафид ответ суровый воину вручил,
Где обещал, что бой начнётся скоро жаркий.
Ещё писал:

– К тому же мы уведомляем,
Что непременно отомстить должны мы вам
За гибель братьев наших, прошлой битвы срам,
И славу воинскую мы явить желаем.
Посол Тайгамусу послание вручил
И произнёс:

– О, царь времён, не счесть числом
Всех воинов вражеских, стоят со всех сторон,
Всю протяжённость их границы я не зрил.
Прочтя ответ, Тайгамус гневом воспылал,
И вот уж визиря Айн Зара он зовёт:
– Ты с тысячей всадников отправишься вперёд,
Чтоб этой ночью уничтожить вражий стан.
А у царя Кафида визирь Гатрафан.
И царь велел ему пять тысяч войска взять
И ночью вихрем стан врага атаковать.
Итак, навстречу едут визири двух стран.
И Гатрафан прошёл всего лишь полпути,
Когда попал в долину с именем Захрана[3],

Где повстречался с войском визиря Айн Зара,

Была уж полночь...

и с дороги не уйти...

Внезапно воины столкнулись, грянул гром,

Кричали люди, кони, стрелы в цель летели,

Тела безжизненные падали, гремели

Доспехи воинские,

ужас плыл кругом...

И бились насмерть эти силы до утра.

Наутро воины Кафида отступили...

И вот уж в бегство обратились, заспешили...

Разгневан царь Кафид:

– Бежали от врага?

Что там случилось? Где же витязи мои?

– О, царь времён, когда наш визирь Гатрафан

Лишь полпути прошёл с отрядом в вражий стан,

На нас внезапно громом грянули враги.

Мы оказались в западне, сражаясь смело,

Народу много полегло в полях Захрана,

Кричали воины, слоны столпились в стадо,

И бились насмерть наши люди, но победа

Осталась всё же за врагом, а мы бежали

Лишь потому, что все погибли бы тогда.

Тут царь воскликнул:

– Да падёт на вас беда!

Не будет счастья вам под солнцем, лишь печали.

К царю Тайгамусу вернулся и Айн Зар,
И доложил, что победил в бою врагов.
Его поздравил царь всей щедростью всех слов,
Затем считать потери считали – вот удар...
Наутро царь Кафид войска рядами ставит.
По десять тысяч
из пятнадцати рядов,
И триста воинов с царём, пятьсот слонов,
И двести всадников громадным
войском правят.
А что касается Тайгамуса, то он
По десять тысяч ставит десять тут рядов,
Сто воинов рядом,
а потом и сто слонов,
По сотне всадников стоят уж с двух сторон.
Ряды построились и выступили фронтом.
И началось сражение века... страшной силы!
В литавры били, в трубы мощные трубили,
Слоны ревели, пыль – столбом за горизонтом...
И кровь лилась рекой, кричали в голос воины,
Сгустился воздух от стенаний и борьбы,
И уши глохли, и глаза уж не могли
Увидеть дальше рук.
И мрак вступил, невольно...
Войска распались... поля боя позади.
Цари считать потери снова принялись.

Наутро воины двух стран опять сошлись.

Кафид велит своим:

– Сильнейший, выходи!

И витязь Баркик, со слона сойдя, вскричал:

– Позволь мне бой вести!

Ответил царь:

– О, да!

Тот, получив согласие, сел вновь на слона,

И вдоль рядов идя, соперника воззвал.

Тайгамус к воинам обратился:

– Кто из вас

сразится с витязем?

И вышел Гаданфар.

– Готов я к бою, разреши свершить удар.

– Сразись удачно, как сражался ты не раз!

Ответ ему был царём...

И началось сражение трудное меж ними,

И Гаданфар в бою победу одержал!

А после этого великий бой настал...

Враги сомкнулись всеми силами своими.

И обнажились вновь мечи, помчались кони,

Кричали люди, лязг оружия гремел,

Летели стрелы, всадник к всаднику летел,

Слоны, как бешеные, сгрудились на поле ...

Мечи звенели, ударяясь друг о друга,

И пыль столбом стояла, небо застилая,

И длилась битва день, но убыли не зная,
И только к ночи поутихла вся округа...
Великих войнов здесь Тайгамус потерял,
Пять тысяч сильных храбрецов навек уснули.
А что касается Кафида, тот к Факуну,
Царю соседнему, за помощью послал.
Его в народе Факун-псом все называли,
Он на поживу и на лёгкую победу
Был рад идти. Войска собрал и вот на смену
Войскам Кафида поспешил, куда позвали.
И силы свежие добавились Кафиду,
А дни идут, но перелома в битве нет.
Факун с Кафидом держат дружеский совет,
Оставив в прошлом недоверие, обиду.
А что Джаншах в своей печали?
Тот отца
Не видел долго, и великая тревога
Закралась в сердце. Подождав ещё немного,
Он стал допытываться правды до конца.
И вот узнал, что не границы охранять
Войска отправились, а битва там идёт
Превеличайшая!
Что смерть с собой несёт.
Велел коня он слугам верным оседлать,
И так подумал:
– Всё я занят сам собою,

Но если я пойду её искать туда,
В тот город, где когда-то жил у пастуха,
То и купца найду, поспорю я с судьбою.
Собрал он войско и отправился в поход.
А люди думали:
– На помощь ведь к отцу
Идёт царевич, и отвага-то к лицу!
Так говорил о нём уверенно народ.
Отряд к границе рысью двигался весь день.
Когда ж стемнело, он от войска ускакал...
А утром... где найти его... – никто не знал.
Вот весть Тайгамусу – потеря всех потерь...
В великом гневе тот воскликнул:

– Мощи нет

И силы нет, кроме Аллаха. Потерял
Я сына вновь, и враг границы мои смял.
Как жить теперь,
когда не мил мне белый свет!?

Визири знатные ему в ответ сказали:

– Великий царь, тебе придётся потерпеть.

Терпенье к благу приведёт, коль гонишь смерть...

Пора нам в город,

битву эту... проиграли...

И отказался сам Тайгамус от войны.

Закрылись двери града, вокруг – кольцо врага.

Лишь отражали нападения войска...

Итак, семь лет прошли отчаянной борьбы.
Семь долгих лет войска царя оборонялись,
Но только силы истощали две страны,
Покоя, мира нет, и нет уже войны,
И нет надежды даже, тяготы остались...

ВСТРЕЧА, МГНОВЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

А между тем... Джаншах уехал из страны...
Он с караванами всё шел, не уставая,
И в каждом городе выпрашивал, пытая
О той сокровищнице Такни, но тщеты...
Никто не знал и не слышал такой стране...
Тогда он город стал разыскивать, где жил,
Откуда к шейху Насру путь свой совершил,
Тот город был у крайней точки на земле.
Один купец путь указал лишь через год,
Три года шёл он тем маршрутом и достиг
Реки, что сохнет по субботам. Напрямик
Он пересек её, как в прошлый раз. И вот
Опять стучится к пастуху, а тот был рад
Увидеть гостя! Стал спрашивать его
О том, что видел он, и что произошло.
Джаншах подробно рассказал про путь преград,
И про коварного купца, что погубил

Его в том городе:

– Поверьте, в этот раз

Наказан будет дерзкий лжец. Пойду сейчас

Наймусь в работники, уж он меня забыл...

Вот зазывалу разыскал Джаншах в пути...

К купцу пришли они, и снова зазывала

Отчёт даёт: – Кричал три месяца, немало,

Лишь этот юноша откликнулся, плати!

Купец велел пришельца вкусно накормить,

Одежды шёлковые дал, дары и деву,

Что красотой затмит любую королеву.

Играли с нею день, да что и говорить...

Купец ушёл уже под вечер в свой гарем,

Джаншах же с девушкой провёл всю ночь. К утру

Отвел её с дарами дома к пастуху.

Купец и знать не знал об этом. А затем...

Затем они собрались так, как в прошлый раз.

На двух конях к горе высокой подскакали,

И отдохнуть расположились, – подустали.

Потом купец взглянул наверх:

– Ну, а сейчас

Работу сделаешь! Зарежь ты мне коня.

Купец дал нож ему, верёвку. Тот связал

Коню все ноги и зарезал, как сказал

Хозяин.

– Сделаешь ещё ты для меня

Работу малую, велю освежевать
Коня и внутренность из брюха всю извлечь.
И самому туда приказываю лечь,
И я зашью. А ты мне должен рассказать,
Что там увидишь, как окажешься на воле.
Джаншах исполнил всю работу, а затем
Купец укрылся у горы. Тут налетел
Огромный гриф на тушу, рад кровавой доле,
Схватил когтями и помчался в высоту,
Да на вершине той горы и опустился.
И стал он клювом рвать коня, и торопился.
Джаншах почувствовал знакомую беду,
И, разорвав все нитки, выбрался на свет.
Тут изумился гриф и даже испугался,
Что человек внезапно рядом оказался,
Да улетел за облака, простыл и след.
Джаншах, как прежде, осмотрелся, а вокруг
Лежали трупы, как в тот раз, валялись кости.
Он засмеялся над купцом, а тот со злости,
Не понимая смех, кричит:
– Коль ты не глуп,
То скинь мне камни драгоценные, тогда
Я укажу тебе к спасению тропу.
Джаншах напомнил про обман тогда ему.
И вновь пошёл, куда душа его звала.
И дни, и ночи шёл, питаясь, чем попало,

То корешками, то обычною травой,
А то незрелыми плодами да водой...
И лишь надежда, что в душе, не иссякала.
В остатке сил своих достиг конца горы,
Да покатился вниз в долину, как клубок...
И лишь под утро ото сна очнуться смог.
Увидел замок Сулеймановой поры.
Вот так добрался вновь Джаншах до шейха Насра,
Тот удивился и с участием спросил:
– Да что случилось, друг, с тобою? Ты без сил...
И где любимая Шамса, что так прекрасна?
Джаншах у шейха Насра руки целовал.
Собравшись с силами, повёл он свой рассказ,
Всё от начала до конца, как в прошлый раз.
Он от любви своей... великой... погибал...
– Шамса мне так пропела вслед, – добавил он,
– Любимый муж, прохлада глаз моих, Джаншах!
Клянусь Аллахом, управляющим в веках,
Что я люблю тебя любовью всех времён.
Я очень радовалась граду твоему,
Твоим родителям, друзьям и всей стране.
Но, если любишь ты меня, приди ко мне,
В мою сокровищницу Такни, где живу.
И в ту же самую минуту улетела
Она в свою страну, что Такни назвала.
Молю тебя, отец, скажи мне, где страна,

Куда жена мне возвратиться повелела?
Шейх Наср печально головою покачал:
Помочь я рад, но и не слышал о такой
Стране... Возможно, Сулейман, хозяин мой,
И сам не знает всех концов своих начал...
Дождись прилёта птиц, и спросим мы у них.
Джаншах остался ждать, надеждою горя,
Что, как и в прошлый раз, прождёт теперь не зря,
Воспоминаниями жил он встреч своих...
Пришла пора прилёта птиц, Джаншах уже
В заветной комнате трёх гурий ожидает,
Но ждал напрасно он, увы, никто не знает,
Что повторяется, что нет... на рубеже...
Когда же смотр был окончен, в путь обратный
Все птицы разом собрались, шейх Наср сказал:
– Ты ждал напрасно, и из птиц никто не знал,
Никто не слышал о стране с названьем Такни...
Я самой сильной повелел тебя нести
В твою страну, но берегись, остерегайся,
Держись покрепче, вбок, смотри, не наклоняйся,
Закрой и уши, гулом их не повреди...
Быстрее света вы помчитесь в небесах,
А небосводы будут мчаться вам навстречу,
Не объяснить всего словами нашей речи,
Будь крепок духом, и храни тебя Аллах!
Лети домой, возможно, там найдёшь ответ.

Он объяснил могучей птице, где страна.
И та с Джаншахом поднялась за облака.
Но всё же сбилась на пути, сказавши:

– Нет,

потом найду дорогу к дому твоему.

Мы сядем тут, где повелитель всех зверей
Живёт в лесу, он маг, волшебник, чародей,

Спроси его про Такни и свою жену...

А уж тогда вернёмся к нашему пути.

Джаншах на это ей: – Лети теперь одна.

К отцу сейчас я не вернусь, нужна Шамса!

Она что воздух, жизнь моя! А ты лети.

Пошёл к царю зверей, что звали Шах Барди.

И, поздоровавшись, сказал, что прилетел

От шейха Насра, что узнать бы он хотел

Дорогу в Такни. Шах ответил:

– Заходи.

И отдохни, и расскажи мне о себе.

Джаншах историю ему всю рассказал.

Тот удивился и главою покачал...

Затем ответил:

– Я бы рад помочь тебе,

Но я не знаю, и не слышал о стране

С названием Такни, о сокровищах её...

Сберу зверей и спрошу их про неё,

Возможно, кто-нибудь поможет той беде...

И вот зверей собрал он малых и больших.
Явились тигры, леопарды, рыси, львы,
Косули, зайцы, антилопы и слоны,
И сотня тысяч из пород лесных, морских...
В гостях у Шаха звери были все дружны.
Он их расспрашивал, а те и отвечали,
Что о сокровищнице Такни не слыхали.
И не видали заповеданной страны.
Джаншах пролил немало слёз, глаза уж слепли,
И думал, смерть теперь пора ему искать.
А тут Шах Барди вздумал зверю приказать,
Снести Джаншаха к джиннам в джинновые дебри.
Он так сказал Джаншаху:
– Брат есть у меня.
Как старший, больше он видал и больше знает.
Царь Шаммах помнит обо мне, добра желает,
Скажи, что я тебя послал. Его земля
Лежит за краем всех земель, будь осторожен.
Держись крепче, не оглядывайся. В путь!
Поклон царю мой передать не позабудь.
И вот уж мчит Джаншах на звере, дух встревожен...
Хотел он смерть найти, опять к Шамсе стремился.
Хотел погибнуть, но надежда не даёт.
И много дней они так мчались лишь вперёд,
В движенье этом снова верой укрепился.
Вот, наконец, он оказался пред царём.

Царь Шаммах выслушал приветствия, затем

Спросил о брате и тогда повеселел:

– Мы во дворец волшебный нынче же войдём.

О нём рассказывать не хватит красных слов:

Дворец волшебный был, с земными не сравнить!

Ни слов, ни звуков нет, чтоб это объяснить...

Сравню с виденьями из самых дивных снов.

Вот в ложа царские они уже садятся,

И разговор заводит царь:

– Теперь скажи

Свою историю и всё мне доложи.

Джаншах с начала до конца, чего бояться,

Всё до подробностей царю порассказал.

Тот, удивившись, произнёс:

– Тут в царстве джиннов

Иначе всё, чем на земле. Среди исполинов

Нет тех земель, что на земле ты повидал.

Мы не воюем друг со другом и не дружим.

Я царь над джиннами, но Такни... я не знаю,

И о сокровищах не слышал... Вспоминаю,

Что птица вещая, которая мне служит,

Однажды имя это вслух произнесла.

Я призову её! И вот, летит по небу,

Что с небом нашим не сравнится, по пранебу,

В пространстве огненном летит небес стрела.

Её назвать нельзя ни птицею, ни зверем,

И не сравнить её с известными телами,
Не описать её обычными словами.
То птица Вещая... и ей подвластно время...
Она приблизилась к Шаммаху, а точнее,
Она вошла в пространство явленным огнём.
И он спросил её о Такни всех времён,
– Ты говорила о сокровищах, вернее,
Произносила слово Такни. Объясни,
Что это значит, где находится страна?
Снеси же юношу влюблённого туда.
Изнемогает он и гибнет от любви.

ТАКНИ

И птица Вещая не голосом, но гласом

Заговорила:

– Просит он, чего не знает...

Ведь он желает неизвестно что!

Растает

Он в славе Такни,

ведь страна та

правит часом.

В стране той время зачинается земное,

И все сокровища находятся лишь там.

А этот юноша... себя забудет сам,

Он попадет в пространство времени иное.

Иное время он не сможет удержать,

И потому земное время пусть поймёт,

Чтоб понимал, зачем оно и как идёт...

И для того, чтоб научился вспоминать...

Земное время – это жажда обретенья

Себя единственного в лоне божества:

Вне форм, вне разума, желаний естества,

Но только вдохом совершенного мгновенья!

Как по воде круги проходит время жизни,

Как в океанской мгле подводная река,

Что не имеет берегов, но так сильна,

Как притяжение души к своей отчизне...
Земное время – созревание души,
Упавшей спелостью земного притяженья
В круговороте духа с телом, в их движенье...
Страна же Такни – это таинство межи.
Не знает он, чего он просит!
Ум в плененье...
Так птица Вещая звучала гласом в сердце.
Джаншах почти не понимал, но знал, Она
Его к Шамсе доставит! Там его судьба.
Он лишь в Её Огне душой желал согреться.
Шаммах увидел это чувство и воскликнул:
– Неси его, он потерял уже себя,
И не боится он извечного Огня.
Итак, царя Шаммаха наш Джаншах покинул...
О том полёте не сказать мне, но когда
Очнулся юноша, он был недалеко
От той страны, куда стремился. Там легко
Скользили звёзды по спиральям и года...
А птица вещая в Ладони опустила
Джаншаха рядом со сверкающей страной,
Чтоб он привык глазами, чувствами к иной
Структуре времени.
Ладони эти – Сила.
И на Ладонях пробыл он... как будто вечность.
На самом деле, лишь минутка миновала.

И слух настроился, и зрение восстало,
А тела не было, одна лишь бесконечность...
Его вмещала, или он её вмещал?
Он стал пространством,
что имеет тысячи глаз!
Что слышит время: год и век, минуту, час,
Он всё, что было, есть и будет – сознавал!
Вот так с Шамсою повстречались, будто вечно
И пребывали, не прощаясь никогда.
В единстве времени смыкаются года.
И души слиты друг во друге безупречно!
Слова, слова...
Их не хватает для того,
Чтоб радость цельности, единства описать.
И только сказка прозвучит в веках опять.
Сюжетом искренним рассказа моего.
Но всё, что было или будет при мольбе,
В себе влюблённые сердца объединили!
Добро и зло, любовь и ненависть, все были -
Для превращения, угодного судьбе.
Судьба таинственна для всех людей на свете.
В ней поиск цели, боль, и радость, и тоска,
Стремленья, ненависть, порханье мотылька.
Но сверх-судьба – любовь являет при ответе.
О всех смертях, что происходят на земле,
Судьба заботится, даруя продолженье,

И в новом качестве иное воскрешенье.
А память прошлых жизней сохранит во мгле.
Но есть Сокровищница, в ней-то и разгадка.
Джаншах увидел миллионом глаз своих
Сиянье звёздное алмазов дорогих,
Рубинов ярких, драгоценную палатку,
В которой рядышком с Шамсой они сидели,
И были счастливы великим счастьем мира!
Светясь свечением незримого эфира,
Они играли чудом мира и летели...
На самом деле, всё кружилось, мир вокруг,
И бездны всех сокровищ мира им являлись
Лишь для того, чтоб их улыбки появлялись.
И длилось чудо бесконечно... Вечен Круг.
А называют – Бесконечное Мгновенье...
Что на земле схватить пытаются за полы.
Но всё ж – увы, ему чужды земли законы,
А с ними ярость, и мольба, и дерзновенье.
Оно волшебной искрой к звёздам улетает,
И тает в бездне, подарив воспоминанье
Невыразимого в словах души признанья.
И сокровенного предела... достигает...
Вся память судеб им была тогда открыта.
Все страны мира были видимы, слышны,
И непроявленные – тоже, даже сны...
Всё это – чудо, что от времени укрыто...

Не скоро сказка говорится, ведь она
Хоть развлекает, в обучение дана...

ИСТОРИЯ ШАМСЫ

Итак, Джаншах с Шамсою встретились, как вновь.

Пришли к родителям Шамсы, те были рады.

Им дочь сказала:

– Одолел он все преграды

Для нашей встречи, привела его Любовь.

Теперь мы вместе: на века и навсегда!

Теперь увидели вы мужа моего.

Но мы вернёмся вновь в Кабуль, страну его.

И на земле мы проживём свои года.

Отец и мать Шамсы даров насобирали

Со ста сокровищниц, что в Такни находились.

Позвали джиннов для охраны им. Явились

Отрядом джинны и влюблённых поздравляли.

А после этого в Кабуль помчалась свита,

Из безвремения во время опустилась,

И вот картина им печальная открылась:

В осаде град, и горем жители убиты...

Вот джинны слушают приказы от Шамсы:

– Врагов во всей стране велю я перебить.

А осаждённым принести поесть, попить.

Восстановить все разрушения, сады,

И наш дворец восстановите мощью Сил,

Чтоб был красив и чист, и светел изнутри.

Чтоб он сиял, как те дары, что принесли
Вы из Сокровищницы, солнцем чтоб светил!
Всё это выслушали джинны и тотчас
За дело принялись волшебное своё.
Ведь в этом Сила колдовства, а колдовство
Являет чудо и для слуха, и для глаз.
А царь Тайгамус... только сына увидал...
Едва от радости не умер, но водой
Его побрызгали от роз, и вновь живой
Стал ликовать великой радостью!
Настал
Черёд для матери, для радости её!!
Она, увидев сына, тоже вмиг упала,
И лишь от розовой воды глаза подняла,
И со слезами обнимала всё его.
Шамса с улыбкой обратилась так к царю:
– Идём на стену, ты увидишь, как враги
Бегут и гибнут, ведь охранники мои
Их изгоняют из страны. Ещё велю
Я восстанавливать разрушенный дворец.
Семь лет прошло для вас, и много горя было,
Теперь возрадуйтесь, смотрите, сколько Силы -
Сильны волшебники, их дал мне мой отец.
Когда враги ушли с остатком сил своих
К себе домой, страна родная расцвела,
И счастьем добрых дел мгновенно ожила,

Да в лету канули семь лет её лихих...

Велел в литавры[4] бить Тайгамус и послал
Гонцов по всей своей стране, чтоб известить
О том, что в мире и спокойствии им жить!

Что сын с невесткой возвратились.

Час настал!

Для ликования нашлись цветы и флаги.

И в каждом доме стало радостно теперь.

Война закончилась, увы, не без потерь,

Но мир настал, и времена иными стали.

Со всех окрестных государств гонцы спешили,

Везли подарки и приветы от царей.

И с той поры прошло немало чудных дней,

А счастью не было конца, вот так и жили...

Но не бывает на земле без перемен.

Проходит время, и случаются события...

Что – нарождается, а что – идёт в небытьё.

Уж таково значенье времени,

вот плен.

Слова все эти говорил Булукии тот,

Кто меж могил сидел, рыдая. Не забыл? -

Царица змей так вопрошала...

– Ведь открыл своё он имя для Булукии, вот, вот...

А уж Булукия столь сильно удивился

Его рассказу, что промолвил:

– А потом?

Скажи, Джаншах, зачем сидишь? И где твой дом?
Что за могилы, почему остановился?
Тогда продолжил вновь Джаншах ему рассказ.
– Знай, о, Булукия, мы жили хорошо.
И навещали дом Шамсы. Раз подошло
Такое время для дороги, в этот раз,
На ложе шёлковом взлетели мы легко.
И джинны нас несли, как прежде, осторожно.
Мы в день летели тридцать месяцев, несложно
Понять, что Такни бесконечно далеко...
Волшебный остров на пути попался нам,
И мы решили отдохнуть, заночевать.
Шамса отправилась с прислугой погулять,
И захотелось ей поплавать по волнам...
Всем было весело,
она, смеясь, играла,
И вдруг, откуда ни возьмись, плывёт акула!
Других не тронула, в неё хвостом махнула...
И сразу насмерть!
Побелев, Шамса упала...
И даже джинны не смогли помочь беде...
Они помчались до родителей Шамсы,
Но невозможно оживление красы.
Пришлось могилу сделать тут
моей Шамсе...
Ему Булукия:

– Зачем ты здесь сидишь?

И чья вторая тут могила, объясни?

И отвечал Джаншах:

– Неведомы пути

Судьбы земной,

и сам не знаешь, что творишь...

Ведь царь Шахлан, отец Шамсы, просил меня

В их царство с ними улететь, но я решил,

Что здесь умру, и свет теперь уж мне не мил...

Я только смерти жду, могила то... моя...

А на слова его Булукия воскликнул:

– Клянусь Аллахом, был уверен я, что мне

Пришлось постранствовать всех больше на земле...

Но, как рассказ услышал твой, душою вспыхнул!

Благодарю, что показал мне мир иной!

Прошу о милости тебя, скажи дорогу,

Что безопасна, да пойду я понемногу.

И показал Джаншах дорогу, что домой.

РАЙСКАЯ ПТИЦА

Вот так Царица змей Хасибу говорила,
А тот промолвил: – Как же знаешь ты об этом?
В ответ: – Секреты за простым стоят сюжетом,
А я отправила... змею в Египет...
Было... то двадцать пять неполных лет тому назад.
Змея с приветствием к Булукии пошла,
А звали дочь мою, (она письмо несла),
Биит Шамбух. В Каир она добралась, в град,
Да стала спрашивать людей о нём вокруг.
И вот Булукии письмо моё вручила.
Он прочитал и произнёс:
– Помочь ты в силах
Мне повидать Царицу змей и верных слуг.
Есть дело важное! Веди меня туда.
– Я повинуюсь, – так в ответ она ему.
И следом к дочери её пошли, и ту
Шамбух просила отвести его...
И та... слова такие говорила в назиданье:
– Зажмурь глаза покрепче, следом приоткрой.
Он так и сделал.
Оказался... под горой,
Где нынче я сию.
Хасиб... а впрок ли знанье?

Послушай дальше... Та Булукию пригласила

К змее, что тут сидела. Он спросил её:

– А где Царица змей? Мне дело до неё!

Змея на это: – Не она ли говорила,

Что отправляется на гору Каф? Теперь,

Как полагается, ушла она туда.

Меня оставила взамен себя она.

О чем хотел её просить, скажи. Поверь...

Сейчас я властна.

И исполню, что желаешь!

Булукия ей: – Ты знаешь это? – просьбы взгляд, -

То место острова, где травы говорят?

Нужна такая мне трава, припоминаешь?

Что если рвать её и сок потом отжать,

То каждый выпивший вовек не ослабеет,

И не умрёт он и совсем не поседеет.

Ты не могла бы мне травы такой достать?

Змея на это: – Нет! Ты прежде расскажи,

И всё поведай, что случилось, да умело,

Когда вы с Дарием ушли, как было дело

У Сулейманова дворца в Его Дали?

Тут всю историю поведал он змее,

А также то, что от Джаншаха он узнал.

И снова с просьбою своею приставал:

– Достань траву, и я уйду, уйду к себе.

Змея на это отвечала: – Я клянусь,

Что и дороги-то не знаю к той траве,
И приказала вновь посланнице змее
Его домой отправить.

– Снова закружусь? -

Спросил посланницу Булукия.

– О, да.

Зажмурь глаза, как в прошлый раз, потом открой.

Тут на мгновение простился он с землей.

Водоворот понёс неведомо куда...

Открыв глаза, увидел он себя уже

На той горе, что называют Муккатам[5],

И призадумался над всем прошедшим там...

Каир был здесь, но сам стоял он на меже...

Когда Царица змей вернулась с Каф горы,

То заменявшая её змея пришла

Ко мне сюда и весь рассказ передала.

А всё, что знаю я, теперь узнал и ты.

Хасиб на это говорит Царице змей:

– Но расскажи ещё, пожалуйста, о том,

Что там с Булукией случилось потом.

Не отказался от мечты ведь он своей?

Ему Царица змей на это отвечала:

– Не отказался. Отказаться от любви

Ведь невозможно никогда! И ты пойми,

Что эту повесть всю... любовь и сочиняла.

Всю человеческую жизнь хранит судьба,

Судьбой любовь сердце повсюду управляет.
Но кто не знает, иль об этом забывает,
Тому несчастья шлёт, страдания раба...
А уж Булукия намазал соком ноги,
Что прежде с Дарием они насобирали,
И по поверхности воды пошёл, за Дали,
Где Мухаммада прославляли. Понемногу
Он так до острова прекрасного добрался,
Подобен райскому: и реки полноводны,
И горы с пышными лесами благородны,
И много фруктов. Он у дерева остался,
Где листья сочные подобны парусам,
Да вдруг увидел рядом скатерть дорогую,
На ней уставлено всё яствами, златую
Посуду видит и не верит уж глазам...
Над этой скатертью на ветке птица диво!
Сама из жемчуга морского, изумруды
На перьях светятся, а резные лапки – чудо,
А клюв из яхонта, блистает вся красиво.
И милосердного Аллаха прославляла
Она, воркуя, и хвалила Мухаммада.
– Что ты такое, – он спросил, – очам отрада?
– Я – птица райская, по кущам я гуляла.
Узнай, Аллах великий выдворил Адама
Из сада райского и дал ему листы,
Четыре листика небесной чистоты.

Один листочек пал на землю возле сада,
Его сжевали черви, следом вышел шёлк!
Другой газели съели – мускус появился,
А третий – пчёлами уж в мёд преобразился,
Четвертый – пряностям из Индии дал толк.
А следом птица говорит:
– Послушай сказку,
Я помню столько сказок, что не перечесть,
Но только в древних ты найдёшь святую весть,
Хоть и в других услышишь верную подсказку...

ПРИТЧА РАЙСКОЙ ПТИЦЫ

Когда-то жил в Багдаде счастливо купец,
Владел богатствами отца, преумножая
Трудами честными и счастье пожиная.
Кумиром стал для многочисленных сердец...
А корабли с его товарами ходили
К далёкой Индии! И мудрые советы,
Что получал он из Кордовы на ответы,
Ему не раз благую службу сослужили.
Благоприятно было время для него!
Но вот однажды... он узрел в себе изгоя,
А все богатства, что сулили мир покоя,
Исчезли разом, будто канули на дно...

Казалось, близкие с друзьями отвернулись,
И перестали понимать. Так он решил,
Что, вероятно, где-то сильно нагрешил,
Коль так безжалостно тиски судьбы сомкнулись...
Решив в Испании искать себе поддержку
У покровителя бывшего своего,
Через пустыню он пошёл и, как назло,
Его ограбили... Он стал рабом, в насмешку.
С большим трудом, всё ж удалось ему бежать.
Но обожжённое лицо и кожа стали
Столь неприятны, что купца повсюду гнали,
И только странники пытались поддержать,
Давая скудные одежду и питанье...
А губы жгла солоноватая вода,
Такой не пробовал он раньше никогда,
Хотя она дарила некое познание...
Вот, наконец, достиг он града Короля,
Что помогал ему советами не раз,
Но стража гнала оборванца каждый раз,
Как приближался он... Войти было нельзя.
Пришлось ему наняться мусорщиком. Так,
Скопив немного денег, он уж мог одеться,
И, как обычно говорят, сумел втереться
В доверье к слугам Короля за свой пятак.
Воспоминания о дружбе с Королём,
В счастливом времени ушедшем, оживляли

Его надежды... Но теперь-то унижали
Его любой и каждый, звали же вралём,
Что наложило отпечаток на манеры,
Купцу пришлось их как бы заново учить.
Спустя три года... он сумел лишь получить
Аудиенцию, освоив... чувство меры!
И вот, он входит в Тронный зал!
Ну, наконец!
Король... узнал его и, рядом посадив,
Просил поведать свой нерадостный мотив,
Отметив грустный взгляд, с каким вошёл купец.
Тот рассказал о том, как горькая судьба
Была жестока, как лишился он владений,
И кораблей, и в чередё всех невезений
Скитался в участи несчастного раба...
Как умирал он от болезни и от жажды,
Терзал как голод, одиночество давило,
Как был в плену и как бежал, теряя силы,
И как он нищим ко дворцу пришёл однажды...
Король, всё выслушав, назначить повелел
Высокой милостью... придворным пастухом,
Дав сто овец, он указал высокий холм,
Где надлежит ему трудиться...
Не сумел...
Досады скрыть купец! И всё ж благодарил.
Но, как привёл на холм он стадо, заболели

Все сто овец и скоротечно околели,
А неудачливый пастух опять... просил...
Ему помочь.

И вновь Король даёт овец,
На этот раз лишь пятьдесят... Он со стыдом
Погнал на пастбище, на тот же самый холм,
И вот пасёт, оберегая, как отец...

Но, вдруг, откуда ни возьмись, примчались волки!
Всё стадо бросилось к обрыву... и погибло...
Купец опять идёт к владыке, как обидно...

А по дворцу уж ходят мерзостные толки...
– Ну, что ж, – сказал Король, – вот 25 овец,
Иди же с миром... – А купец уж безнадежно
Ведёт пасти их, даже слишком осторожно,
И вот.. удача засветила наконец...

По два ягнёнка принесли ему овечки,
Потом ещё по два, да крепеньких таких!
С густою шёрсткою, мясистее иных,
Как пироги, что набухают в жаркой печке.
Спустя три года – он богат и разодет!

Приходит снова к Королю – благодарить.
– Как удалось тебе судьбу уговорить? -
Король спросил и услышал такой ответ:

– Непостижимо для меня пришла удача,
Дела идут благополучно, хоть любви
Я не испытываю к делу, уж пойми,

Быть пастухом, я вижу, не моя задача.

– Всё превосходно! А теперь, прошу, прими

Севи́льи трон от нас. Его ты заслужил! -

Один Король другому титул положил...

И оба разом улыбнулись... Короли.

– Но почему, ответьте мне, как Королю,

Не наградили так меня вы в первый раз?

Ведь тяжесть жизни я увидел без прикрас,

Когда три года я скитался, был в плену.

– Позволь сказать тебе, когда б ты получил

Севи́льи трон, в то время как ко мне пришёл,

То крах и гибель королевству б приобрёл...

И ничему бы путь тебя не научил...

.....

...

Тут птица

сказку прервала... а уж затем

Так говорит ему: – Над сказкой размышленья

Сравнимы с опытом, полученным в движенье...

А я летала над землей, но вот Аллах

Послал меня на это место, и теперь

Я угощаю здесь по пятницам, поверь,

Святых и кутбов[6], пребывающих в годах.

И никогда не уменьшается еда,

Что на столе моём уставлена, смотри

Да угощайся и плоды садов вкуси!

А вот Хозяин хидр идёт уже сюда!

И поприветствовал Булукия его,

Да из почтения надумал удалиться...

– Сиди в присутствии Аль-Хидра, – молвит птица.

Булукия сел. А Хидр промолвил:

– Для чего

Сюда пришёл? Свою историю яви!

И всё в подробностях Булукия ему

Поведал следом. И дошёл уже к тому,

Что рядом с Хидром:

– В путь домой благослови!

Направь, как надо! – и припал к его рукам...

Спаси меня, во имя щедрого Аллаха!

Я на краю своей гибели без страха,

Но ты верни меня к родимым очагам.

– Молись Аллаху, чтобы Он позволил мне

В Египет вновь тебя вернуть.

И он молился.

А Хидр затем:

– Аллах услышал, свет пролился.

Закрой глаза... теперь открой!

Ты не во сне!

О, да! Булукия... идёт к себе домой!

Встречают мать, отец, и сын, жена его

Великой радостью невиданной давно.

Потом устроили прекрасный пир горой!

И заиграли флейты, бубны зазвенели,
Цветами двери все украсили, врата,
Несли подарки, пили лучшие сорта
Вина домашнего, и возгласы летели!
И рассказал Булукия близким и родным
О всех историях своих и приключениях.
О встрече с Хидром и его благих реченьях.
Все удивлялись тем рассказам непростым.
Вот так Царица змей Хасибу говорила.
Тот с изумлением всё слушал, а потом
Заплакал вновь:

– Хочу вернуться в отчий дом,
В мою страну, печаль великая сдавила...
Ему Царица вновь: – Боюсь я, о, Хасиб,
Что ты нарушишь клятву в баню не ходить.
И я умру тогда, что больше говорить...
Хасиб же клялся новой клятвой!

Так прилив
На берег шумно набегают, обещая
Вернуться вновь, и возвращается всегда!
Не таковы ли обещанья и слова...
Мы нарушаем клятву, вновь её давая...
И повелела слугам вывести Хасиба
Царица змей к лицу родной его земли!
Те с места к месту до колодца довели,
И помогли подняться – просто и красиво.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Он вышел в месте, где пещера укрывала

От ливня сильного его и дровосеков...

Вот, наконец, идёт по граду человеков,

Хотя иною жизнь его отныне стала...

И вот уж в дом родимый снова постучался.

Ему открыла мать и вскрикнула от счастья!

Жена вбежала следом, тоже слёзы в сласти!

А всем родным он чудом всё-таки казался...

Они расспрашивали, что же с ним случилось?

Тут он поведал им подробно свой рассказ.

И удивлялись все, не скрыв свеченья глаз.

Тогда и он спросил о том, что приключилось,

Когда вернулись дровосеки без него?

А мать:

– Они, знай, о тебе так убивались,

Сказавши «Съели звери... кости лишь остались...».

Разбогатели все... неведомо с чего...

А мне еду приносят с той поры они...

– Пойди к ним завтра и скажи, что я вернулся.

Да пригласи их, – тут Хасиб и улыбнулся, –

Да не печалься, станут радостными дни!

Наутро мать всем весть несёт:

– Вернулся сын!

А дровосеки, изменившись вдруг в лице,

Несут шелка ей, будто в память об отце,

И отвечают:

– Мы придём, все, как один...

А сами тотчас же собрали всех купцов

Да честно им признались в сделке о Хасибе...

И что судьба Хасиба нынче воскресила:

– Так что же делать нам теперь, в конце концов?

И всё собрание купцов решило так:

Кто это сделал, половину пусть даёт

Всего имущества Хасибу, и живёт

С позором прошлого деяния в годах.

Затем пришли купцы к Хасибу, повинились,

Да принесли ему доходов половину,

И так сказали: – Сознаём, что мы повинны,

Прощенья просим у тебя, – и поклонились...

Хасиб, взяв деньги, произнёс:

– Всё, что ушло,

Уже ушло... Так суждено Аллахом было.

Его веления сильнее, чем та сила,

Которой мы боимся! Есть добро и зло...

С тех пор Хасиб стал жить безбедно, а купцы

Наперебой его уж в гости зазывали,

А он рассказывал про сказочные Дали,

Про жизнь в иных мирах, где сходятся концы...

Однажды в баню стали звать его с собой,

Но он ответил: – Я зарок дал – не ходить,

А мыться дома. Впредь не стоит и просить.

Но всё ж... не мы распоряжаемся судьбой...
Случилось... всё-таки Хасиба упросили...
Товарищ детских игр так слёзно умолял
Зайти к нему, где он служил и выполнял
Свою работу, что желанья... победили.
К тому же тот сказал: – Все три мои жены,
Коль не зайдёшь ко мне ты в гости в этот раз,
Да не попьёшь со мной вина под свой рассказ,
Со мною будут впредь навек разведены.
И вот, зашёл вина испить, потом помыться
Решил немного наш Хасиб, а уж вокруг...
Стоят и смотрят на него шеренга слуг...
И говорят:
– Давно был должен появиться!
Но ничего Хасиб не понял, а они
Уже посла к визирю шлют, а следом тот
Приехал сам со свитой. Вот к нему идёт,
Его приветствует словами:
– Скоры дни,
К султану едем с нами, дело есть к тебе!
При этом банщику он сто динаров дал.
И вновь к Хасибу:
– Нам Аллах тебя послал,
Султан страдает от проказы, в хворобе...
А ты поможешь и спасёшь султану жизнь!
Вот удивился тут Хасиб... таким словам.

Но всё ж поехали по селам и градам,
Да семь дворцовых врат пред ними пронеслись.
Царь персов, властный Караздан, лежал больным,
А, между тем, в семи он странах был главой,
Семь разных климатов имевших, хлад и зной.
Владел султанами и войском удалым.
Тут все султаны на престолах восседали
Из золота сделанных. У каждого из них
Сто тысяч витязей в провинциях своих,
Те в каждой местности делами управляли.
А царь с закутанным лицом лежал, страдая.
Хасиб приветствовал его и пожелал
Выздоровления и счастья. Настал
Черёд узнать, что за болезнь его такая?
Визирь на это отвечал: – Мы делать станем
Что ты прикажешь, будет золото горой,
Что пожелаешь, о, Хасиб наш, дорогой!
В твоих руках болезнь и здравие.
Представим,
Что ты полцарства пожелаешь – отдадим!
Так изумлен Хасиб, безмерно удивился:
– Я не умею ничего, – он извинился, -
И как смогу помочь царю умом своим?
Я – сын Диона, Даниялем иногда
Его зовут, но я не знаю ни науки,
Ни медицины, ни лечебной роли звука,

Лекарств не ведаю, не слышал никогда...

Ему придворный: – Но лекарство у тебя.

Отлично знаешь ты, оно – Царица змей!

Её ты видел, разговаривал ты с ней,

Спаси, пожалуйста, великого царя!

Тут понял всё Хасиб, о чём змея ему

Всё говорила, и просила: не ходить

В любую баню, ведь иначе ей... не жить!

И он схитрил: – Не понимаю, почему

Вы говорите эти вещи, если я

Не знаю этого, не видывал змею,

А уж, тем более, Царицу... Не пойму,

Какой хотите вы услуги от меня!

– Не отпирайся, нам известно, у неё

Два года жил ты. Я по книге прочитал,

Что кто Царицу змей увидел и бывал

В её дворце два года, выжил и ещё...

Вернулся вновь к лицу земли, то у него

На теле знак – твоя отметина на теле!

Когда ты в бане мылся, мы и разглядели,

Взгляни на свой живот, ответишь нынче что?

– Она с рожденья у меня всегда была, -

Воскликнул так Хасиб.

– Не лги. Нам всё известно.

Ты доведи лишь до царицыного места,

А уж поймаем сами, наши то дела.

Хасиб твердил одно:

– Не знаю, не видал...

Тогда позвали палача: – Снимай одежду!

И стали бить его. Теряет он надежду,

Что жив останется, вот смертный час настал...

– Ну, говори же! Только место покажи!

Мы ничего потом не спросим у тебя,

А наградим, в придачу к этому – коня

Получишь ты, не умирай же ото лжи!

Хасиб из сил последних вымолвил им:

– Да...

Я покажу то место, где её нашёл,

Откуда вышел и спасение обрёл...

Визирь возрадовался так, как никогда!

Несут одежду из шелков, дают коня,

И вот подъехали они к пещере той,

Где был колодец полный мёда, непростой...

Хасиб вошёл и зарыдал, кляня себя,

Что не сдержал обета, данного змее,

Что на добро её ответить должен... злом.

Визирь же сел перед колодцем и притом

Куренья сладкие зажёг на той земле...

И заклинания стал вслух произносить,

И дуть зачем-то на золу, потом опять

Слова другие... и куренья возжигать.

Так много раз старался это повторить,

Затем вскричал:

– Царица змей, взойди скорей!

Вода в колодце испарилась тотчас вся,

И вот со дна его... вздымается змея

С огромным блюдом золотым -

Мечта царей...

На этом блюде... с человеческой главой

Лежит Царица змей, сияя белым светом.

Раздался крик, подобный грому. И при этом

Упали визирь, слуги... вместе всей толпой!

И кое-кто простились с жизнью навсегда...

Царица змей направо, влево посмотрела,

И тут увидела Хасиба:

– Плохо дело...

Ты клялся клятвою, что в баню никогда

Ты не пойдёшь!

Но даже хитрость не сумеет

Преодолеть, что суждено.

Аллаха воля,

Что я убитой быть должна – такая доля...

И воспрепятствовать судьбе никто не смеет!

Затем Царица сильным плачем закричала...

Визирь проклятый руки к ней уж протянул,

Чтобы схватить, но... ветерочек тут подул,

Что смерть несёт. Царица грозно проворчала:

– Держи подальше, визирь, руки от меня,

Иначе я подую, в пепел превратив
Тебя и всё вокруг!
К Хасибу обратив
Свой взгляд, добавила, очами вдаль глядя:
– Иди ко мне, возьми меня... и положи
На блюдо вновь... Я знаю, смерть мне суждена,
Но от твоей руки погибнуть я должна.
Поставь на голову поднос... и не дрожи...
Хасиб исполнил приказанье и понёс
На голове её. Когда дорогой шли,
Она тихонько прошептала: – Не спеши.
Я дам совет тебе, ответ на твой вопрос.
Хоть ты нарушил обещанье, но свершил
Всё то, что было суждено тебе от века.
Идёшь судьбою ты земного человека,
И час последний мой пробил. Ты согрешил...
Хасиб ответил: – Повинуюсь я тебе.
Исполню всё, что повелишь, моя Царица.
– Тогда запомни всё, что мною говорится.
Придёшь к визирю в дом, положишь на столе.
А он велит тебе «Зарежь и разруби
На три куска». Но откажись немедля сам,
Ответь «не знаю», обратившись к небесам...
Визирь зарежет пусть меня, ты ж не скорби.
Придёт посланец от царя, от Караздана,
И призовет к царю визиря он немедля,

Перед уходом скажет вновь визирь о деле
Тебе порученном...

Тут замысел обмана:

Визирь же злобен! Я не зря так говорю...

Даст две бутылочки, отправится к царю.

А ты вари бульон лечебный, только пену,

Что будет первой, ты ему оставь, а смену

Возьмёшь себе, не пей сегодня, жди зарю...

А не послушаешь, конец твоей судьбе.

Вторую пену спрячь, холодной выпьешь смело.

И приготовь в бульоне мясо – моё тело,

Да не горюй, а я скажу ещё тебе,

Что как потребует бутылочку вторую,

Визирь, вернувшись, сразу первую отдай.

Вторую завтра выпьешь сам, постигнешь рай,

Что в сердце мудрость укрепит мою благу.

На блюдо медное ты мясо положи

И дай царю, чтоб съел он всё, ну, а потом,

Когда насытится он полным животом,

Укрой его с лицом и полдня подожди...

Живот опустится, пои царя вином.

И снова станет царь здоров, как никогда.

И по могуществу Аллаха в нём года

Пребудут долгие, чтоб царствовал с умом.

К визирю в дом вошли, передохнули вскоре,

Хозяин так Хасибу:

– В доме есть угли,

Возьми мой нож, змею в три части раздели.

– Я не могу, – вскричал Хасиб, – ослеп от горя,

–

Я никогда не резал в жизни никого!

Визирь же взял Царицу змей со блюда сам,

Да и зарезал...

Слёзы хлынули к глазам

Хасиба тут же, он не видел ничего...

Визирь на слёзы рассмеявшись, вдруг воскликнул:

– Безумец, плачешь, что зарезана змея!

И разрубил змею на части для зелья.

Да в котелок из меди жертву эту кинул.

ИСЦЕЛЕНИЕ ЦАРЯ

Вдруг от царя слуга примчался, говоря:

– Султан потребовал тебя сию минуту!

– Я повинуюсь, – был ответ.

Пока я буду, -

Визирь Хасибу говорит, – там у царя,

Зажги огонь и в котелок налей воды,

Когда куски в нём закипят, прибудет пена,

Налей в бутылку, поболтай и выпей смело.

От всех болезней пена – плата за труды.

Потом вторая пена снова закипит,

Ты собери её в бутылочку вторую

И пусть остынет, да на полочку резную

Поставишь мне, а то спина моя болит.

И поспешил затем к царю. Хасиб зажёт

Под котелком огонь, и пену всю собрал

В бутылку первую, как визирь приказал.

Но пить не стал, а для него же приберёт.

Затем вторую пену снял и остудил,

Но пить не стал, а спрятал пену для себя.

Визирь вернулся:

– Ну, готова ли змея?

– Да, я на блюдо всё лекарство положил.

– А где же пена? Выпил ты, что насбирал?

– Вот только выпил.

– Но не видно ничего, -

Визирь на это, – тело жечь твоё должно.

– Да ведь горит внутри, – Хасиб ему солгал...

Визирь поверил, говоря:

– Мою отдай.

Бутылку с первой пеной он ему даёт.

Тот выпил залпом и почувствовал, как жжёт...

И вот... кричит от боли:

– Рвотного подай!

Но сам в мгновение разбух и умер сразу.

Права пословица, что с древности живёт:

– Кто яму роет для другого, упадёт

В ту яму сам. Согласно высшему приказу.

Хасиб, увидев это дело, испугался,

Да как сказать царю о визире теперь?

Но всё ж понёс лекарство, вот... открыта дверь

В покои царские, которых он боялся,

Вот подошёл к царю Хасиб и произнёс:

– Случилось странное явление, неспроста,

Визирь ивой мёртв, бутылка с пеною пуста...

Царь Караздан разгневан:

– Ставь сюда поднос!

Затем заплакал:

– Что случилось, о, Аллах!

Он был здоров, ушёл за мясом от змеи...

Да как же умер?! Что творится, объясни?
И какова причина смерти на глазах?
Хасиб подробно рассказал царю о том,
Что было с визирем, и как он вдруг распух,
Как из бутылочки отпил, ушёл весь дух.
Загоревал царь... о себе, а в горле ком.
– Не беспокойся, царь времён, я исцелю
Тебя, – Хасиб ему, – избавлю от беды.
Забудешь все болезни, даже их следы.
Сначала съешь, прошу, вареную змею.
Повиновался царь, что делать больше было.
Съел все кусочки, а потом Хасиб просил
Царя поспать, чтобы набраться новых сил.
Накрыл, как надо, с головой, во благо силы.
А время делало своё, сражаясь с ядом.
Кусочки мяса круг свершили в животе.
И разбудил Хасиб царя, наполнив те
Бокалы царские вином, что были рядом...
Царь выпивал... сходила кожа!
А взамен...
Росла под нею
очень нежная другая.
Свершилось чудо!
Появилась молодая!
Царь исцелился тем лекарством насовсем!
А уж на следующий день,

хвала Аллаху,
Хасиб всю пену выпил скляночки второй...
И вдруг почувствовал, что крылья за спиной.
И мудрость в сердце укрепилась вместо страха!
Так обнаружил он в себе основы знания!
А сердце радостью наполнилось его,
И он почувствовал иных миров родство,
И так открыл в себе... сады воспоминанья...
Где он столетиями жил!
Мог понимать
И видеть то, что было пологом укрыто,
Обычной памятью, и сердцем позабыто,
А тут – явилось, начиная расцветать...
Он за минуту вспомнил годы и века!
И даже то припомнил, что ещё не знал...
Сгустилось время, словно в вечность он попал.
Так поселилась в сердце мудрости река...
Увидел семь небес
и понял их значенье,
И как вращаются планеты небосвода,
И звёзд мерцающих увидел он природу,
Уразумел он форму, качества, значенья,
И облик суши
и морей увидел так,
Что измерения науку осознал,
Причину всех затмений, сроки рассчитал,

И астрономию он вспомнил, каждый знак...
Узнал металлы,
и деревья, и животных,
И врачевание умел уже свершать,
Узнал алхимию, и мог уж создавать
Из меди золото в пропорциях добротных.
Хасиб велел царю идти помывться в баню.
И тот послушался и вымыл тело чисто,
И здоровее стал, чем прежде, очень быстро!
Одежды лучшие одел.
И так в собранье
Пришел к эмирам и султанам.
Все они,
Увидев чудо, происшедшее с царём,
Возликовали всей душою, а потом
Царь произнёс слова, что в книгу занесли:
– Визирем я Хасиба делаю сейчас.
Дарю одежду с драгоценными камнями,
С шитьем из золота, с отделкой жемчугами,
И триста воинов, и в этот самый час
Его мудрейшим назначаю во дворце!
Даю наложниц и рабынь, дома, волов,
Угодья хлебные, а также пастухов.
Велю подарки всем оставить на крыльце.
И пир стоял пять дней, и музыка играла,
Да приходили все с подарками к нему,

К Хасибу мудрому, великому уму.
От счастья мать в слезах, жена же ликовала.
И дети силе удивлялись, что в отце.
Летела весть о мудреце со всех сторон.
Друзья возрадовались дружбою. А он?
Он вспоминал о Сулеймановом кольце...
Потом у матери спросил:
– Скажи, отец
Оставил что-нибудь в наследство, знаешь ты?
Она ему из сундучка...
дала листы
И грустным голосом сказала, наконец:
– От целой книги тут остаток, а труды
Исчезли в море, как корабль его разбился.
Погибли многие, он спасся... Сохранился
Фрагмент труда, – листочки эти из воды...
Отец предсказывал
«Родится сын, отдай
Ему наследство, если спросит он о нём...»
Быть может, мы для этой цели и живём...
Храни листочки и о прошлом вспоминай...
Ещё сказал
«Как смысл поймёт у тех листов,
Так станет он умнейшим времени того,
Где будет жить, так и Аллахом суждено!
Пусть чтит Севышнего, Всещедрого веков».

Хасиб прочёл!

Читал и сказки... родом с детства,

Потом и новую историю записал

Он для наследников, жене же приказал...

– Отдай тому, кто спросит это, как наследство.

С тех пор Хасиб науки знал, людей учил.

И жил приятнейшею жизнью очень долго.

А говорить сейчас об этом мало толка,

Но в заключение...

мёд вечности он пил...

А Разрушительница всяких наслаждений

Пришла к нему под старость. Время подошло.

И Разлучительнице было отдано

Всё, что положено от века, вне сомнений...

Авторы

Художник обложки

Рене Бул (Rene Bull) (1872 – 1942) британский художник, иллюстратор и фотограф. Родился в Дублине, изучал инженерное дело. Рене Бул проработал в нескольких изданиях в качестве иллюстратора и карикатуриста, много путешествовал.

Автор книги

Феано – поэт-философ, создатель сетевых сказочных проектов сотворчества: "Семь Морей", "Сказки Мудрецов" и "Галактический Ковчег". Книги автора представлены в библиотеках сайта «Семь Морей» – <https://sseas7.narod.ru/> и портала "Галактический Ковчег". А также на Стихи.Ру (Феано).

Автором был использован прозаический перевод сказок 1001 ночь Михаила Салье с арабского языка на русский язык.

Михаил Александрович Салье (21 августа 1899, Санкт-Петербург – 17 августа 1961) —советский востоковед, переводчик, академик АН СССР, автор первого перевода на русский язык сказок «Тысяча и одна ночь».

Примечание:

[1]Алла́х (араб. الله Звук [ʔalˤːɑːh]), в арабском языке – термин обозначающий слово «Бог» – арабское слово, означающее единого и единственного Бога.

[2]Имя Хасиб – происходит от арабского. Арабское имя (حسيب) "благородный, уважаемый, высокородный". Одно из имен Аллаха.

[3]Булук – родник, источник.

[4]Пророк Мухаммад считается творцом самой молодой из мировых религий – ислама.

[5]Каф – в мусульманской космологии – название горы или горного хребта, окружающего землю, "как перстень палец", граница между мирами проявленным и непроявленным.

[6]Сулейман – царь Соломон

[7]Ситар – многострунный музыкальный инструмент, используемый для исполнения индийской классической музыки, относящийся к группе струнных щипковых музыкальных инструментов.

[8]Дивы, дэвы (авест. daēuua, daāua, daēva) – сверхъестественные существа, встречающиеся в иранской, славянской, грузинской, армянской, тюркской (башкирской, татарской, азербайджанской и др.) мифологиях, в зороастризме – злые духи.

[9]Имя Захран является символом надежности. Человек всегда точно знает, что нужно делать именно сейчас.

[10]Лита́вры (итал. timpani, фр. timbales, нем. Pauken, ан-

гл. kettle drums) – ударный музыкальный инструмент с определённой высотой звучания. Представляют собой систему от двух до семи металлических котлообразных чаш, открытая сторона которых затянута кожей или пластиком.

[11]Если через пустыню добраться до горы Муккатам, обязательно попадёшь в пещеру с сокровищами.

-неворко[12]Кутб (араб. قطب – полюса) – обладательных знаний, олицетворяет собой посредника между людьми и Аллахом.